

Завет Локи

Автор:

[Джоанн Харрис](#)

Завет Локи

Джоанн Харрис

Магия жизни

Конец света уже наступил, но в мире Джоанн Харрис это не означает, что на этом все закончилось. Легендарный трикстер Локи заперт в чистилище, откуда он находит выход неожиданно даже для себя. Локи вновь оказывается в нашем мире. На этот раз он делит сознание с девушкой по прозвищу Попрыгунья. У нее и без чужака в сознании хватает проблем. И дальше их будет только больше.

«Завет Локи» – лихое продолжение «Евангелия от Локи», где скандинавская мифология и наша реальность смешиваются в нужной пропорции.

Джоанн Харрис

Завет Локи

Joanne Harris

THE TESTAMENT OF LOKI

Copyright © 2018 by Frogspawn Limited

First published by Gollancz, London

Перевод с английского И. Тогоевой

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Действующие лица

Локи – Ваш Скромный Рассказчик. Не совсем демон, не совсем бог. Симпатичный, харизматичный и в целом великолепный герой этой запутанной истории, некогда сумевший пережить даже Рагнарёк. Я большой любитель путешествий и просто обожаю тартинки с джемом. Слухи о моей смерти не то чтобы недостоверны, однако этот вопрос требует дополнительного расследования, ибо до конца еще не решен.

Попрыгунья – человек семнадцати лет от роду. И я бы не назвал ее совсем уж невозможной, хоть она и питает некую необъяснимую любовь к вещам с изображениями различных животных.

Эван – любитель пиццы; помешан на играх, особенно ролевых. Поистине выдающийся геймер.

Стелла – жуткая сплетница и вообще довольно противная девчонка; обожает все, что блестит и сверкает. Как ни странно, большинство представителей противоположного пола считают ее неотразимой.

Твинкл[1 - Twinkle (англ.) – сверкать, мерцать, мигать. Поскольку эту кличку по ходу действия получил Тор, обожавший свои блестящие золотые доспехи, Локи сразу пришло на память стихотворение «Звезда» (Twinkle, twinkle little star...),

самое известное из стихотворного сборника сестер Тейлор, Джейн (1783–1824) и Энн (1782–1866), «Оригинальные стихотворения для юных умов» (1804), очень популярного в XIX веке; это стихотворение замечательно пародируется в книге Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (глава «Безумное чаепитие»), что в русских переводах этой книги неоднократно и по-разному обыгрывалось. Например, в почти классическом переводе Н. Демуровой это выглядит так: «Ты мигаешь, филин мой! // Я не знаю, что с тобой!» (в оригинале: «Ты мигай, звезда ночная! // Где ты, кто ты – я не знаю».) – лохматая белая собака.

Один – Всеотец[2 – Один также выступает под именами: Старик, Генерал, Одноглазый, Высокий, Страшный и т. д.]. Некогда предводитель богов, кровный брат Искренне Вашего.

Тор – сын Одина; Громовник. Вечно лает, но не кусается.

Фрейя – считается принцессой-воительницей[3 – Фрейя – в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и красоты.]. Пожалуй, можно сказать и так.

Слейпнир – конь. Отчасти.

Йормунганд – гигантский змей.

Сма-Ракки – гоблин.

Нэнси Уикермен – девушка из племени Людей.

Джонатан Гифт – ученый, заблуждающийся насчет собственного величия.

Гулльвейг-Хейд – известна под именами Золотая; Колдунья; Чаровница[4 – Гулльвейг – букв. «сила золота»; Хейд – характерное для всех ведьм имя, означает «ведьма, знающая хейдр (колдовство ванов)»]. Особа весьма опасная, мстительная, корыстная и тщеславная. То есть в ней собраны все самые любимые мои качества – как говорится, «в одном флаконе», – и устоять перед ней невозможно.

Оракул – Голова Мимира. В прежние времена носил имена Предвестника, Пророка Новой Эры, Хранителя Рун, Нашептывателя Секретов. Скользкий, как целый мешок ласок, да и доверять ему можно не больше, чем изворотливой ласке.

Тьма

Прошлой ночью мне снилось, что я снова в Асгарде.

Что ж, пожалуй, вот тут-то собака и зарыта.

Локабренна, 5—16

Глава первая

Конец Асгарда был близок. Внизу на поле Идавёлль кратерами вулканов светились огромные костры, над которыми вздымались столбы дыма. Рагнарёк, Конец Света, опустился на мир подобно тяжкому занавесу. Давно уже пал Один, пали также Громовник Тор и бог войны Тюр. Гульвейг-Хейд, Чаровница, стояла на носу флагманского корабля, ведя в атаку свой Флот Мертвых. Властелин Тьмы и Огня Сурт, вылетев на драконьих крыльях из царства Хаоса, приближался к Асгарду, и там, куда падала его тень, наступала абсолютная и поистине ужасная тьма. Мост Биврёст был уже сильно поврежден[5 - Битвой Тора с волком-демоном Фенриром.], и я, падая[6 - Хеймдалль, Страж Богов, стерегущий Радужный мост, жертвуя собой и желая прикончить предателя, бросился вниз и увлек за собой Локи.]и тщетно цепляясь за остатки своего волшебства, увидел, как великолепный Радужный мост рассыпается на множество светящихся осколков, а в бешено кипящем, содрогающемся воздухе сверкают миллионы магических заклинаний и рун, и на мгновение все вокруг вспыхивает, точно гигантская яркая радуга...

Ладно, хватит. Хватит. Отмотаем обратно. В конце концов, это всего лишь некая «авторизованная» версия; этакий туристический гид по Рагнарёку. Я понимаю, обычному человеку очень сложно воспринять все эти события разом; однако придется вам поднапрячься и постараться усвоить хотя бы что-то из случившегося в те мгновения, иначе вы не сможете понять ни нашего былого величия, ни значимости расцвета Асгарда, ни трагизма падения асов[7 - Впрочем, все это изложено – с точки зрения Локи, разумеется, – в книге «Евангелие от Локи»]. К счастью – а может, как раз и к несчастью, – существует как бы официальный отчет об этих событиях. Сперва он был представлен в форме некоего пророчества, а теперь наши немногочисленные последователи старательно выдают его за Историю. Пророчество Оракула – то есть некая поэма из тридцати шести строф, где в основных чертах описаны расцвет и падение Девяти Миров, – за минувшие века бесчисленное множество раз пересказывалось едва ли не всеми на свете бардами, хоть сколько-нибудь умевшими играть на лютне, а также всевозможными наемными писателями, имевшими склонность к драме.

В те времена, когда был жив Имир,

Но не было еще ни моря, ни земли,

Ни звезд небесных, свет дающих

и способность видеть,

Лишь пустота меж двух темнот зияла[8 - Здесь и далее все стихи даны в переводе И. Тогоевой; «Пророчество Оракула» цитируется в ее переводе по книге Дж. Харрис «Евангелие от Локи» (Эксмо, 2016)].

Оракулом было предсказано все – и рождение миров из огня и льда, и гибель их в леденящем мраке. Расцвет правления богов Асгарда, их Золотой Век, а также полный их крах – все вместились в пресловутые тридцать шесть строф Пророчества. Там говорилось и о стремлении Одина, предводителя клана асов, вырваться из царства Хаоса, и о его желании во что бы то ни стало завладеть магией древних рунических символов, и о многих других его приключениях и подвигах; там рассказывалось и о деяниях Тора, его могущественного сына, интеллектуальные способности которого, впрочем, вызывают у Искренне Вашего определенные сомнения; упоминались в Пророчестве и однорукий бог войны Тюр, и богиня страсти Фрейя в Соколином Плаще, и Страж Богов Хеймдалль по прозвищу Соколиный Глаз, и бог мира Бальдр Прекрасный, и, разумеется, Локи, Трикстер (то есть я), обладающий также множеством иных прозвищ и кличек,

которого сам Один вызвал из царства Хаоса, однако в тексте Пророчества нигде не отдается должное многочисленным добродетелям Локи, да и сама его роль сведена к череде трагических событий, которыми был отмечен конец его карьеры; все это весьма напоминает историю с «Титаником», несправедливо превращенным в итоге в некий символ несчастья, тогда как следовало бы прославлять многие его в высшей степени достойные качества. Теперь-то, как говорится, вода под мостом уже успокоилась, но факт остается фактом: мне было свойственно отнюдь не только трикстерство и предательство. Может, я и не такой уж положительный герой, но, безусловно, достойный, а потому остаюсь при своем мнении: никогда не доверяйте Оракулу.

Явились асы. На равнине Идавёлль

Те боги новые построили свой Асгард

И окружили крепостной стеною

Свои чертоги, троны и дворы.

Видите, Оракул и это предсказывал: строительство Небесной Цитадели, ее Радужного моста, ее волшебных чертогов, сияние ее красоты и великолепия. Затем в жизнь богов стали прокрадываться разные беды, начался постепенный распад нашего братства, и в итоге богов предал тот, кого раньше предал сам Один. Конец асов был неизбежен: ведь наша судьба вплетена в повествование Оракула, подобно двум спутанным нитям в клубке пряжи жизни и смерти. И понимание этого отравляло все вокруг. Пророчество Оракула на все отбрасывало свою мрачную тень, даже когда асы пребывали на вершине своей славы и могущества. Но хуже всего то, что это была ложь – ложь, созданная для того, чтобы непременно воплотить в жизнь приговор судьбы, которого мы всеми силами стремились избежать. И мы в итоге действительно пали. Конец игры. У-у-у – кошмар какой!

Итак, вкратце история примерно такова: бог (то есть Один[9 - Один в генезисе, скорее всего – не бог, а связанный с миром мертвых, то есть хтонический, демон или бог-колдун (шаман), покровитель воинских инициаций и союзов. Он хозяин воинского рая – Валхаллы, где обитают мертвые воины, героически павшие в бою.]) знакомится с демоном (то есть со мной) и вербует его, а затем уводит из Хаоса, предполагая в дальнейшем эксплуатировать его многочисленные таланты. Другие боги, друзья и соратники Одина, имеют об этой истории весьма смутное представление; к тому же высокомерие упомянутого демона, некая

предопределенность событий и все более неудачный жизненный выбор приводят к тому, что он слегка слетает с катушек, попадает в дурную компанию, начинает сеять смуту и беспорядки, провоцирует странную и неожиданную гибель одного из богов[10 - Имеется в виду гибель Бальдра, бога мира и плодородия, от руки его слепого брата Хёда, которому Локи подсунил дротик из ядовитой омелы.], и в результате его, несчастного бога-демона, приковывают цепями к двум скалам в Темном Мире, Нифльхейме; однако Чаровнице Гульвейг-Хейд удается спасти его как раз вовремя, чтобы он успел сыграть свою роль в подготовленном ею Рагнарёке, Гибели Богов; во время Рагнарёка гибнут не только враги, но и друзья Локи, а сам он слишком поздно начинает понимать, что Хаос всегда выигрывает, какой бы масти карты ни были у тебя на руках...

А знаете, ведь я вообще-то мог бы изменить исход этой битвы. Даже в разгар Рагнарёка – если бы только Один признал свою ошибку – асов еще можно было бы спасти. Во всяком случае, мне хочется так думать. Ведь не однажды мое умение мгновенно принимать решения спасало богов буквально на краю пропасти. И вообще все могло бы сложиться иначе, если бы Один с самого начала в меня поверил. Но Один верил только в Оракула. А Оракул, эта трижды проклятая пустая башка, пользовался его благосклонным вниманием и сумел-таки в итоге направить нас напрямиком на те утесы, столкновения с которыми мы так старались избежать. Один тогда действительно повел себя как упрямый глупец, ну а об остальных богах и говорить нечего: они всегда меня ненавидели. И что в итоге? Мы не только потеряли Асгард, но и почти все асы пали в сражении – Громовник Тор, бог войны Тюр и даже сам Старик, то есть Один.

Судьбу я вашу вижу, дети смертных.

Я слышу, как войска на битву созывают.

Я вижу: тени черные накрыли землю.

К сражению готовы Один и другие асы.

Что же касается Искренне Вашего, то мне пришлось ринуться навстречу судьбе в объятьях моего вечного врага Хеймдалля, однако прежде я успел сбросить вниз проклятого Оракула – искалеченную и мумифицированную голову Мимира[11 - Великан Мимир был послан Одним шпионить в лагерь ванов, и те в итоге отрезали ему голову и послали ее асам. Один с помощью магии набальзамировал эту голову и поместил в источник под корнями Мирового

Дерева Иггдрасиля, дабы иметь возможность с ней советоваться.], – и он полетел с развалин Асгарда прямо в ледяную пропасть, окутанную тьмой. И когда мы с Хеймдаллем летели в ту же пропасть, а над нами нависала гигантская тень Сурта, властелина Хаоса, наилучшим выбором мне представлялось полное забвение. В Пророчестве этот момент описан весьма выразительно:

И снова воеет волк, приветствуя входящих

В ворота царства Хель героев Асгарда.

А битва все ожесточенней. И рушатся миры.

И звезды падают. Смерть празднует победу.

На самом деле для меня Смерть отнюдь не была неразрешимой проблемой. Дело в том, что правительница Царства мертвых, Хель[12 - Дочь Локи и великанши Ангрбоды, описанная в «Младшей Эдде» весьма красочно: это согбенная, свирепого вида старуха, наполовину синяя, а наполовину цвета сырого мяса.], задолжала мне одну услугу[13 - Услуга заключалась в том, что Локи подстроил убийство Бальдра, в которого Хель была влюблена, чтобы отправить его в Царство мертвых.], и я, падая во тьму, уже прорабатывал план того, как бы мне убедить ее поскорее выплатить должок. Нет, в данном случае более всего меня страшило возвращение в царство Хаоса. Там я был рожден и туда буду обязан вернуться, как только покину свою телесную форму – а я, зная нрав повелителя Хаоса, не без оснований полагал, что меня там угостят отнюдь не чаем со сладкими пирожками.

Для изменников в Хаосе предусмотрено особое место: Черная Крепость Нифльхейма. Там нет ни решеток, ни дверей с запорами, а все же она стережет узника лучше любого донжона в любом из известных миров. Это тюрьма более надежная, чем сама Смерть, ведь и от Смерти иной раз вполне можно уйти – по крайней мере теоретически, – но никто, насколько я знаю, не сумел бежать из застенков Черной Крепости. Мне в жизни довелось сталкиваться со многими весьма неприятными вещами – да я и сам, если честно, совершил немало гадостей. А в лицо Смерти я смеялся куда чаще, чем Тор, который только и был способен, что грозить ей своим молотом[14 - Тор, бог грома, бури и плодородия, защищает богов и людей от великанов и страшных чудовищ с помощью своего главного оружия – молота Мьёлльнира («молнии»), который враги постоянно пытаются у него похитить.], однако в тот раз обстоятельства складывались для

Вашего Скромного Рассказчика не слишком удачно.

Не думайте, что у меня не было никакого плана спасения. Какой-нибудь план у меня всегда имеется. Но на этот раз меня сочли предателем не только боги, но и их враги из царства Хаоса, и я был объявлен *persona non grata* во всех Девяти Мирах. Даже если б я выжил после своего падения с небес (что в тот момент казалось абсолютно невозможным), даже если б мне удалось уйти от Сурта (а это выглядело совсем уж неправдоподобным), мне все равно было бы негде спрятаться. Куда бы я ни пошел, что бы я ни сделал, единственным убежищем для меня могло стать лишь Царство мертвых. И вот, упав с моста Биврёст, я с невероятной силой ударился о землю, которая оказалась в точности такой твердой, какой и выглядела сверху...

Ох!

Помедлите здесь немного. Попробуйте осознать весь трагизм моей кончины. Точнее, всю ее трагедию и иронию, ибо, как только я соскользнул во тьму, уверенный, что Девяти Мирам пришел конец, и очень рассчитывая укрыться в царстве Хель или хотя бы раствориться и исчезнуть в славном пламени костра[15 - Намек на огненную природу Локи; его именами являются также Пожар и Греческий огонь. Существует ошибочная теория, что Локи – это демон огня, что связано со сходством его имени со словом «logi» (огонь) и с именем духа очага Локки.], меня жестоко выхватили из этого пламени в тот самый момент, когда я уже начал в нем растворяться, и швырнули в самое ужасное место, какое только способен вообразить себе бог или демон, – в Черную Крепость Нифльхейма, где только еще начиналось самое веселье.

Видите ли, как оказалось, Рагнарёк отнюдь не стал концом Девяти Миров. Это был лишь конец нашего мира и нашего правления. Немало и других богов попадало в подобную ловушку, поскольку все они были совершенно уверены, что всему на свете придет конец, как только рухнет их маленькое царство. А на самом деле многочисленные миры ведут себя подобно прибою, то вздыбливаясь мощной и широкой волной, то опадая и теряя свою силу, и эта могучая волна несет богов – а также людей и демонов – подобно морскому песку, то высоко его вздымая, то опуская в темную пучину на самое дно. Не стали исключением и мы, боги Асгарда, сброшенные с трона и буквально смешанные с грязью. И можете меня пристрелить, но я ни капли об асах не печалюсь: уж они-то обо мне точно печалиться бы не стали!

Итак, я был проклят как предатель – но осушите ваши слезы, ибо нет такой темницы, из которой я, Локи, не сумел бы бежать, если мне, разумеется, дать время и некий побудительный стимул. Пребывание в Черной Крепости дало мне и то и другое, причем в более чем достаточном количестве. Так что далее вы узнаете, как же мне все-таки удалось бежать из этого самого надежного на свете донжона, а также я расскажу вам и еще кое-что о том, чем закончилось мое бегство и какие уроки я для себя извлек. Не стану притворяться и уверять вас, что я в результате стал мудрее и скромнее, но кое-что из этих уроков я все же взял на вооружение – например, сюжеты некоторых легенд, представление о том, что такое настоящая дружба, а также знание о безграничных возможностях сновидений. А еще я понял, что значит быть человеком.

Да, именно человеком. Разве вы не помните моего брошенного вскользь замечания о том, что слова «god» (бог) и «dog» (пес) отличаются лишь перестановкой одних и тех же букв? Несмотря на все великолепие и пышность; несмотря на призыв быть больше богом; несмотря на все священные войны и бесконечные ереси; несмотря на все божественные чудеса и мученичество, все проходит и изменяется, все проходит, проходит, проходит... Порядок, Хаос, Тьма, Свет. Перезагрузить и повторить. Внимательно прослушать заново.

Так что еще раз с чувством повторяю:

Да

будет

свет.

Глава вторая

Всему свету сообщили, что я умер, но, поверьте, Смерть куда лучше того наказания, которое применили ко мне. В Смерти есть некое достоинство. Даже если б я попал в Хель, империю праха, это стало бы для меня благословенным освобождением. Причем совершенно независимо от того, что Хелем правит...

одна моя родственница, а стало быть, для меня всегда существует возможность подкупа. Хель – это вообще единственное во всех Девяти Мирах место, где Хаос не имеет никакого влияния, а потому упокоенные в большинстве своем и впрямь могут чувствовать, что обрели совершеннейший покой.

Но и в Хель есть некая особая зона, зарезервированная для тех, кто, например, осмелился переделывать миры; или придерживал для своих тепленькие местечки; или, возомнив себя могущественным властителем, пребывал в наглой уверенности, что будет вечно исполнять роль бога. Оракул так описывает это место:

Чертоги вижу на границе царства Смерти,

И в них шипят бесчисленные змеи,

И проклятые – те, кто нарушил подло клятву, —

Там ждут суда среди гадов ядовитых.

Вот только время суда миновало. Вердикт вынесен: пребывание в вечных сумерках рядом с богами прошлого, богами тех миров, каких мы никогда не знали, и тех империй, которые стали пылью еще до того, как начали возводить стены Асгарда. Мучительное, чрезвычайно замедленное умирание, которое в случае с Искренне Вашим еще и сопряжено с изрядной порцией страданий. А страдания эти причинял мне, между прочим, не кто иной, как мой чудовищный сынок – Йормунганд, Пожиратель Богов[16 - Во время Рагнарёка Тор был почти проглочен Йормунгандом, но ему все же удалось разmozжить змею башку своим молотом Мьёлльниром и выбраться на сушу, однако же он был отравлен ядом Йормунганда и, сделав всего несколько шагов, рухнул замертво.], старый добрый Мировой Змей, страшно ядовитый к тому же. Нас обоих приковали цепями к одной и той же скале – это было очень похоже на то наказание, которому не так давно подверг меня Один, оставив на границе царства Смерти у реки Сновидений, когда я мог лишь предпринимать тщетные попытки освободиться, вопить от боли и следить, как мимо проплывают секунды и минуты, подобно мусору на поверхности бурного речного потока.

Я знаю, о чем вы подумали. Ну да, это был мой родной сын. Вот ведь что получается, когда у демона вскипает кровь и он совершает безответственные поступки! Да, я не отрицаю, в Асгарде у меня действительно была жена, и, да, она действительно была лучше, чем я того заслуживал, но Ангрбода из

Железного Леса была не просто соблазнительной. Она родила мне троих детей: волка Фенрира, Хель и змея Йормунганда. Йормунганд был самым толстым из них и, честно говоря, самым непривлекательным. В Нифльхейме в ответ на все мои попытки завести с ним разговор он лишь злобно шипел, затем еще более распался, затем его шипение становилось яростным, и он обрушивал на мое связанное и беспомощное тело целый дождь ядовитой слюны, от которой к тому же исходила ужасающая вонь. И так каждый раз. Короче говоря, вряд ли наши отношения – отношения отца и сына, между прочим! – можно было назвать теплыми. Вот почему я, пребывая в полном отчаянии, и решил прибегнуть к помощи сновидений, прекрасно сознавая, что порой надежда, мельком блеснувшая во сне, способна причинить куда большую боль, чем безнадежная покорность.

Видите ли, ни одна вера не может окончательно умереть, пока жив хотя бы один, самый последний из верующих, а верующие, как известно, способны иной раз проявить невероятное постоянство, упрямство, граничащее с жестокостью. Даже если павшие боги умоляют о забвении и мечтают о безмолвии смерти и покое полного исчезновения, всегда найдется некий фанатический приверженец старой веры, который ни за что не желает с этой верой расстаться; или же сохранится древний, некогда принадлежавший этим богам храм, на который теперь пялятся туристы; или археологи отыщут каменную плиту со священной надписью; или из-под тонн песка выкопают старинную статую божества – тут годится все, что угодно, лишь бы оно способно было заставить человека вновь мечтать и видеть сны...

Можно, конечно, воспользоваться и какой-нибудь легендой.

Легенды, предания и вообще всевозможные истории как раз хуже всего – именно они-то в первую очередь и заставляют гореть эти факелы веры. Истории, рассказанные у очага или у костра; нашептанные в темноте; сохранившиеся на страницах старинных рукописных книг; передаваемые из уст в уста, из поколения в поколение; запечатленные с помощью секретного шифра на куске пергамента; нацарапанные на кусочках коры или осколках камней. Истории о том, как рождаются боги, вечны. Это уже некая форма поклонения. Однако и мы, боги, живы именно благодаря этим историям – даже если мы и пребываем в сумеречном состоянии, даже если лишены всего своего бывшего могущества, даже если нас терзают мучительные воспоминания и мы чувствуем, что постепенно ускользаем из жизни, – в этих историях, рассказываемых людьми, в мечтах людей и в их снах мы по-прежнему здравствуем.

Люди, разумеется, мечтатели, притом алчные мечтатели. Их аппетит в отношении всевозможных историй и легенд поистине безграничен; каждую ночь они создают новые сны и мечты, новые эфемерные миры, которые стремятся исследовать. Некоторые из этих миров совсем крошечные, не больше мыльного пузыря. Другие же громадны, как горы, вершины которых покрыты вечными льдами, и неумолимы, как сама Судьба. Одни миры существуют не более нескольких мгновений; другие же способны продержаться целую минуту – а этого более чем достаточно, чисто теоретически, для того (ну, например, для бога-ренегата), кто хочет в этот мир проникнуть, а оттуда, следуя серебристой линии жизни сновидца, попасть напрямик в его мысли...

Да, чисто теоретически такое возможно. Но сделать это очень и очень непросто. Нужно полностью завладеть сознанием спящего, буквально поселиться в нем, для чего необходимо известное умение. Да и, честно говоря, далеко не каждому человеку хочется быть одержимым; пусть даже одержимым неким божеством. И потом, человеческий сон сам по себе – вещь чаще всего весьма непостоянная, почти неуловимая и слишком расплывчатая, чтобы было за что ухватиться. Наверное, нужны тысячи – нет, миллионы! – людей, которым снится одно и то же, чтобы их общий сон смог обрести достаточную силу и прочность, дав тому, кто в него проник, хоть какой-то шанс на спасение.

Но надежда – мучитель жестокий, хуже любого демона. Пока у нас еще оставалась надежда, мы просто не в силах были отвернуться от того, что происходило вокруг. Благодаря отражениям в реке Сновидений мы видели, как исчезает все то, что мы знали и любили. Как постепенно предают забвению наши руны, заменив их новым римским алфавитом. Как взошел на престол новый Бог, как он подчеркнул свое учение о мире и любви, благословив людей на бесконечные войны и кровавые истребления неугодных. Мы видели, как человечество переживает и самый темный период своего существования, когда оказались под запретом любые истории (и даже сны!), когда даже произносить наши имена вслух считалось преступлением. Мы окончательно уходили во тьму веков, мы терялись в этой тьме, испытывая при этом невыносимые душевные страдания.

Однако даже в самые темные времена истории все же повсюду продолжали существовать легенды и мифы о старых богах. И тяжкий занавес тьмы был постоянно как бы чуточку приподнят. Так что мы по-прежнему имели возможность наблюдать за происходящим, а порой даже могли видеть собственные отражения в реке Сновидений. Иногда в виде посвященной кому-то

из нас картины, а иногда – музыкального произведения; это было проявление некоего коллективного опыта человечества, благодаря чему мы вновь обретали надежду. А еще в этом новом мире были книги; там было чтение – в былые времена подобные вещи крайне мало нас интересовали, ведь тогда практически все истории существовали исключительно в устной форме и действительно передавались из уст в уста, а рунические символы в лучшем случае высекали на каменных плитах. Ну и, конечно, никак нельзя было забывать и о финальной строфе Пророчества, в которой, по-моему, надежда на будущее звучала наиболее отчетливо:

Но вижу: вновь поднимется земля из океана,

Зазеленеет, расцветет, как прежде.

И встанут горы.

И в ручьях, сверкающих на солнце,

Орлы опять начнут на лососей охоту.

Это, разумеется, вполне могло оказаться очередным обманом: Оракул очень любил такие штучки; любил указать неправильное направление, дать некую надежду и тем самым продлить наши мучения. Ведь с течением времени предсказанный им мир представлялся нам все менее достижимым. И все острее становилась боль, которую мы испытывали, наблюдая за реальной жизнью лишь благодаря отражениям в реке Сновидений. И все отчетливей, все нестерпимей была мысль о том, что этот дивный новый мир не для нас, что другие боги поселятся среди его прекрасных гор и рек и будут с наслаждением править этим новым миром. А мы, старые боги, один за другим начинали сдаваться, все сильнее предаваясь отчаянию и закрывая глаза, чтобы не видеть, как этот мир вокруг живет и зеленеет.

Однако демоны в определенном смысле куда более выносливы, чем боги. К тому же, хоть я и тосковал по своему телесному обличью и по тем удовольствиям, которые это обличье мне дарило (особенно по еде, сну и сексу), но все же мою, так сказать, исходную форму телесной назвать было бы никак нельзя. Скуку я считал не меньшим врагом, чем пытку тьмой; однако надеяться мне было особенно не на что и оставалось только наблюдать за тем, что происходило вокруг.

И я наблюдал, а вокруг строился новый мир. Я видел, как люди впервые ступили на поверхность Луны. Видел, как быстро распространяются книги в мягких обложках, как развиваются кино, компьютеры, видеоигры. В этом новом мире, безусловно, правил Порядок, причем такой, который практически ничем не был обязан нашему влиянию. Казалось, старых богов отставили в сторону и навсегда о них забыли. Как говорится, с глаз долой...

Но, похоже, Порядок не может существовать без постоянного вмешательства Хаоса. Моя стихия, как известно, – огонь, а огонь никогда не выходит из моды. В домашнем очаге и в костре, разожженном путниками, в сверкнувшей молнии небесной или во всепоглощающем лесном пожаре, в мифах и снах огонь – а значит, и я – всегда был важен и почитаем, перед ним благоговели, ему поклонялись. Кроме того, и в мире Порядка – при всех его законах и правилах – люди всегда любили мечтать и видеть сны. И вот среди множества человеческих снов после стольких лет поисков мне удалось обнаружить краешек иной, тщательно спрятанной территории, где по-прежнему царил вечный Асгард.

Понимаете, расширялись не только сами новые миры; все большее пространство неуклонно занимали также сны и мечты людей. Телевидение, компьютерные игры, электронные книги, шприцы с различными веществами, способными подарить веселье или забвение, – все это я лишь мельком сумел разглядеть сквозь окружавшую меня тьму, но как-то догадался, что эти вещи, соединившись, создали еще один новый мир, в котором сны можно не просто с кем-то разделить, но и манипулировать ими, и через этот новый мир, который люди называют Интернетом – весьма подходящий термин для посредника, способного поймать в свои сети даже самих богов, – также протекает река Сновидений...

Вот тут-то передо мной и забрезжила реальная возможность спасения.

Глава третья

Змей Йормунганд[17 - Йормунганд, или «змей Мидгарда», первоначально, по-видимому, был позитивным элементом пространственной системы мира в скандинавской мифологии, ибо, окружая обитаемую землю, поддерживал ее в Мировом океане, прикусив собственный хвост.], как и его сводный брат, конь

Одина[18 - Восьминогую коня Слейпнира Локи родил сам, соблазнив в обличье кобылы волшебного жеребца, принадлежавшего великану Свадильфари, который строил Асгард, но, лишившись коня, завершить это вовремя не успел.], обладал способностью свободно перемещаться между мирами. В своем предшествующем обличье он вполне счастливо существовал в Океане и, прикусив собственный хвост, опоясывал собой все миры от царства Сна до Пандемониума. Я полагал, что если бы мне удалось убедить его прорваться из Нифльхейма в царство Сна, то я, наверное, сумел бы, воспользовавшись его невероятной силой, заставить его ринуться оттуда сперва в тот мир, где по-прежнему существует светлый Асгард, а затем и в мир материальный и там, возможно, даже обрести физическое обличье...

Ясное дело, затея была рискованная. Но, с другой стороны, мне всегда везло. И потом, что мне было терять? Темницу в Нифльхейме? Или эти оковы?

Однако я тут же столкнулся с серьезной проблемой, пытаюсь убедить змея в целесообразности моего плана. Йормунганд никогда ясным умом не отличался, а меня, в общем-то, недолюбливал. Однако сейчас он и сам оказался в плену, и я рассчитывал, что хотя бы наша общая беда поможет ему правильно воспринять предложенный мною план бегства из Нифльхейма. Я начал с Пророчества и содержащегося в нем обещания дивного нового мира. Но Йормунганд ненавидел поэзию почти столь же сильно, как и я сам, так что единственным его ответом был увесистый плевок ядом прямо мне в лицо.

Тогда я зашел с другой стороны и далее излагал свой план куда более примитивно.

- Я знаю один способ... - с несколько преувеличенной осторожностью начал я, - точнее, неплохо представляю себе, как можно отсюда выбраться. И ты вполне мог бы убедить меня поделиться этими знаниями с тобой - но, разумеется, сперва пообещай оказывать мне всю необходимую помощь.

Йормунганд рыгнул, окутав меня облаком гнусной вони, но это явно свидетельствовало о том, что мое предложение его заинтересовало.

- Я мог бы и тебя вывести отсюда, - продолжил я, - но для начала тебе придется меня освободить.

Что ж, я, конечно, бросал вызов Судьбе. Ведь мой сынок Йормунганд не обладал ни нужной ловкостью, ни особым умом. Единственное, что у него было, это клыки – маловато, пожалуй, для успешного решения той задачи, которую я перед собой поставил. Выслушав меня, он отвратительно зашипел, глянул на меня с подозрением и выдохнул очередное облако зловонных миазмов, заставивших все мое тело содрогаться в конвульсиях. Ну, допустим, тело-то было совсем не мое, но Черная Крепость славится самыми неожиданными чувствами и ощущениями, и все они на редкость неприятные. Я крепко зажмурился, надеясь хоть как-то защитить глаза от ядовитого смрада, и предпринял новую попытку.

– Тебе нужно всего лишь, – я сказал это куда более уверенно, чем сам себя чувствовал, – подумать о том, что ты можешь меня освободить, и ты сделаешь это всего лишь с помощью твоей мысли. Ведь наши оковы не настоящие; они, как и все здесь, созданы из снов и фантазий. И тебе, чтобы освободить меня, нужно всего лишь по-настоящему этого захотеть.

Ясное дело, для него подобные понятия были в новинку, а я, к сожалению, понял это с некоторым опозданием. Йормунганд снова зашипел, оскалив чудовищные клыки, и отправил мне в лицо двойной заряд яда.

– Черт побери, Йорги, больно же!

В ответ Йормунганд как-то странно булькнул горлом, и мне показалось, что этот звук подозрительно напоминает мурлыканье.

– Нравится тебе, да? – спросил я. – Тебе приятно меня мучить?

Змей как бы пожал плечами, отчего все его тело пошло волнами; казалось, он хочет сказать: «Ну пристрелите меня, но такова уж моя натура!»

– Разве ты не понимаешь, что поступаешь глупо? – рассердился я. – Ведь тебя здесь держит исключительно твоя ненависть ко мне. Избавься от нее – и мы оба сможем стать свободными. Неужели тебе так трудно хоть раз попытаться перестать меня ненавидеть?

Опять раздалось грозное шипение, но мне все же показалось, что покрытые слизью кольца змеиного тела слегка расслабились. И я решил немного

поднажать, стремясь закрепить достигнутый успех.

– Свобода! – воскликнул я. – Ты хоть помнишь, что это такое? Вспомни, как ты плавал в океанских просторах! Вспомни, какие огромные косяки сельди попадались тебе навстречу и как легко эти рыбки проскальзывали в твою глотку! Вспомни жирных тюленей и сочных каракатиц – ах, до чего они были вкусны!

Сам я, разумеется, ни тюленей, ни каракатиц никогда даже не пробовал, но все же надеялся добиться нужного драматического эффекта. И я его добился! Йормунганд снова «замурлыкал», а я, пользуясь моментом, тут же продолжил:

– А ты помнишь, какой спокойной, будто шелковой, бывала порой морская гладь? Какая тишина царила вокруг...

«Мурлыканье» сменилось опасным шипением – Йормунганд явно не был любителем покоя и релаксации, – и я моментально сменил тему:

– Тогда вспомни, сколь великолепен океанский шторм, когда ветер хлещет и погоняет волны! Помнишь, как нравилось тебе вдребезги разнести какое-нибудь торговое судно, всего лишь шевельнув кончиком хвоста? Помнишь, какое удовольствие доставляло тебе зрелище кораблекрушения?

Змей задумался и удовлетворенно рыгнул.

– Вот именно! – льстивым тоном поддержал его я. – Подумай, насколько это было приятней, чем мучить собственного отца, который, кстати, искренне тебя любит. Вообще-то, – торопливо прибавил я, – даже меня мучить тебе было бы гораздо приятней, если б я снова обрел плоть... Ты только представь себе, ЧТО можно было бы тогда со мной делать... Разве это не доставило бы тебе истинного удовольствия?

Йорги ничего не ответил, но я чувствовал, что ему страшно хотелось бы попробовать.

– А тебе для этого и делать ничего не надо – только позволь мне проплыть с тобой вместе по реке Сновидений в одно чудесное местечко, которое я так

хорошо знаю, – соловьем заливался я, – и мы оба сможем там вволю предаваться разным безумствам и радовать себя воссозданием абсолютного Хаоса. Доверься мне. Я хорошо знаю, где находится это место. Ты должен всего лишь предоставить мне свободу действий, и вскоре, клянусь, мы оба будем на воле...

Я немного помолчал, давая змею возможность переварить мои слова. Я знал, что он неспособен сразу взять старт, но уже одно то, что он больше не пытался плюнуть в меня ядом, представлялось мне признаком весьма многообещающим.

И действительно, вскоре Йормунганд снова «замурлыкал», и я почувствовал, что обвивавшие меня цепи несколько ослабли. А потом и скала, на которой я провел, кажется, несколько столетий, стала понемногу терять материальность, приобретая некую эфемерную форму, точно в ужасном сновидении. Я осторожно коснулся колючей чешуи Йормунганда – более всего она походила на острые зубья, вделанные в кольчугу из слизи, – а затем уселся на него верхом, стараясь не обращать внимания на невыносимую вонь, и изо всех сил обеими руками вцепился в шипы у него на шее. И вот, наконец, Йормунганд зашевелился, задвигался, постепенно набирая скорость – сперва очень медленно, затем все быстрее, – и начал проламываться сквозь стены Черной Крепости, круша их, точно цеп снопы пшеницы, обрушивая потолки и целые коридоры. Мы летели, оставляя позади комнаты пыток и потайные подземные темницы, все разрушая на своем пути и неудержимо стремясь вверх, на самый последний из бесчисленных уровней Нифльхейма, к воротам Черной Крепости.

На мгновение передо мной мелькнули сами эти ворота, и за ними открылась река Сновидений – сверкающее эфемерное пространство с пятнышками островов, шхер и скал, которые могли бы показаться почти прекрасными тому, кто понятия не имеет об их смертоносных свойствах. Итак, Черная Крепость осталась позади, а Искренне Ваш, по-прежнему отчаянно цепляясь за шипы на шее Йормунганда, вместе со змеем плюхнулся в реку Сновидений, которая представляет собой беспорядочный поток удушающих ядовитых снов, порожденных тайными глубинными страхами племени Людей, и бесчисленное множество смертельно опасных фантазий и чудовищных видений.

Я понимаю ваши опасения. Я и сам далеко не сразу решил выбрать подобный способ бегства. Однако иных вариантов у меня не было, и я очень надеялся, что мой змей сумеет набрать достаточную скорость, чтобы как можно меньше времени провести в этом чудовищном водовороте. Впрочем, Время в царстве Сна особого значения не имеет. Секунда здесь словно расцветает, превращаясь в

несколько дней, а за минуту проходит порой целая жизнь. Но я прекрасно знал, где именно должен оказаться. Я слишком часто видел этот сон, чтобы испытывать хотя бы малейшие сомнения. Сон, который разделяли со мной столь многие; и то, что нам снилось, было невероятно высоким, вздымаясь до небес, скрепленное осколками тайного магического языка, миллионами рунических символов. Это сновидение было предназначено для того, чтобы, подобно гигантской сети, ловить в свои сверкающие ячейки даже самих богов – хотя, если честно, мои текущие цели были куда скромнее. Но я отчаянно искал этот сон среди мусора всевозможных видений, плававшего на поверхности, а когда наконец его заметил, то направил змея прямо туда – в самые глубины сна об Асгарде. О, Асгард! Великие боги! Даже во сне он казался поистине миром чудес. Я видел в вышине Небесную Цитадель и ведущую к ней сверкающую дугу Радужного моста. Я видел Валхаллу и высокий трон Одина, над которым плавно кружили Хугин и Мунир, его вороны[19 - Имена воронов Одина означают «думающий» и «помнящий». Эти вороны имеют тот же хтонический характер, что и сам Один.]. А внизу я видел мир Людей, и зеленую долину Идавёлль, всю покрытую цветами, и над нею небо такой синевы, какое существует только в воспоминаниях. И далеко-далеко, на самом горизонте, что-то слабо мерцало и дрожало – нет, пожалуй, не мерцало, а сияло ярко, как солнце, слепя разноцветьем красок и рунического света.

На мгновение мы застыли на парапете Асгарда, балансируя в нерешительности. Я понимал, что это сон, и все же ощущение было таким отчетливым, таким всеобъемлющим – создать нечто подобное было, разумеется, не под силу кому-то одному из смертных. И потом, я был во плоти: я мог чувствовать запахи океана и озона, разлитые в воздухе, а также аромат цветов в саду Идунн[20 - Жена бога поэзии Браги.]. Я осмотрел себя. Обличье не совсем мое, но, в общем, похожее, а вот головной убор был мне совершенно не знаком. Впрочем, если я в этом сне и оказался не точно таким, как прежде, то, по крайней мере, был вполне узнаваем. Интересно, чей это разум тут поработал? Кто сумел вызвать у себя такой сон, что все казалось мне абсолютно реальным? Я снова посмотрел в ту сторону, где в небесах разливалось магическое сияние. Чудесное переплетение лучей рунического света так и манило к себе, сверкая и двигаясь, точно таинственное живое существо. Неужели сумел выжить и еще кто-то из богов? А что, если во время Рагнарёка спаслась волшебница Гульвейг-Хейд? Или, может, это некий новый бог строит новый мир, сумев вызволить его из царства Сна?

А затем прямо у себя над головой я увидел нечто такое, что потрясло меня до глубины души. Нет, это, разумеется, был не обычный сон! Наискось через весь

небосвод тянулась надпись, сделанная огромными буквами, должно быть, не менее чем в тысячу футов высотой и сотканная из миллионов крошечных рун, которые были скреплены неким тайным кодом, подобно обширной и невероятно прочной сети. Вот что я прочел:

А ТЕПЕРЬ ВЫБЕРИ СЕБЕ ГЕРОЯ

Мы угодили внутрь компьютерной игры.

Глава четвертая

Она называлась «Asgard!»(©) – да, именно так, с восклицательным знаком, как в названиях мюзиклов 50-х годов, и с этой маленькой сопутствующей руной (©), обозначавшей, видимо, что это чья-то собственность. Основной задачей участника игры было удержать Небесную Цитадель, противостоявшую различным врагам асов – народу Льдов, народу Гор, демонам-ренегатам и т. п. Играть можно было по-разному, то есть в соответствии с выбранным персонажем. Можно было вообразить себя в роли Воина (Тора), или Генерала (Одина), или принцессы-воительницы (Фрейи); последняя, кстати, имела облик в высшей степени женственный, а ее прелести были едва прикрыты весьма скудными доспехами, мало что способными защитить.

Я понимаю, что и вы бы наверняка сочли, что в столь продвинутом мире просто недопустимы такие грубые ошибки в интерпретации героев древности, например Фрейи. Нет, правда, неужели создатели игры считали, что Фрейя действительно так выглядит? И потом, будь я среди тех, кто все это придумал, я бы ни за что не позволил ей играть одну из главных ролей в том действе, где как бы оживают древние боги. И дело даже не в том, что Фрейя не была способна с кем-то сразиться – она очень даже неплохо могла постоять за себя, если надо, – просто она всегда была слишком обидчивой, к каждому слову цеплялась, да и меня к тому же недолюбливала. В общем, в этой игре было слишком много такого, что в мои планы никак не входило; и самое главное – меня явно причислили к «плохим парням». Ох уж эти мне стереотипы! Разумеется, парень родом из Хаоса годился только на роль отщепенца!

И все же, если не обращать внимания на мелкие неточности, игра показалась мне довольно увлекательной. Она как бы предлагала игроку открыть для себя целый новый мир – сразиться с великанами и решить массу иных сложных проблем, уничтожить гоблинов-лизоблюдов и отыскать сказочные сокровища, а затем отправиться в трудное и опасное путешествие, дабы пробудить от летаргического сна своих товарищей, спящих под толщей снегов и льдов. Ну и главной, конечной целью игры было поражение главного «чудовища» (то есть Вашего Покорного Слуги) и восстановление Асгарда.

Признаюсь, меня это раззадорило. Все было таким знакомым и одновременно очень странным, чужим. Похожим на те эфемерные миры, что пузырями вздувались на поверхности реки Сновидений, и все же явно куда более прочным. Впрочем, для меня важнее всего было то, что в процессе игры у каждого игрока как бы повышался уровень внушаемости, и он как бы превращался в своего героя, не только произнося слова его роли, но и высказывая его мысли, и, возможно, даже разделяя его взгляды. И вот тут-то пропасть между мирами сужалась настолько, что ее можно было почти преодолеть...

О да, я был знаком с принципом, положенным в основу всего этого. Я и раньше не раз наблюдал за чем-то подобным из темницы в Нифльхейме. Не могу сказать, что мне так уж хотелось в этом поучаствовать, но я хотя бы понимал, как это работает. И вот теперь я наконец-то оказался в той ситуации, когда оно, возможно, сработает в мою пользу.

А змей между тем уже начинал поглядывать на меня с подозрением. Впрочем, это естественно: он ведь, в отличие от меня, оказался здесь без какой бы то ни было предварительной подготовки, хотя, кажется, уже начинал понимать, что этот «сон» ему совсем не подходит. В игре он выглядел практически прежним – минус вонь и панцирь из слизи, что, если честно, только улучшило его облик, – но я отчетливо чувствовал, как нарастает его беспокойство. Ну да, конечно: смена обличья; обретение телесной формы; странно знакомый пейзаж...

Я снова посмотрел в безупречно ясное небо.

Йормунганд тоже поднял голову, следя за мной взглядом.

И мы увидели в небесах новую надпись:

ТЫ ВЫБРАЛ ТОРА!

Да, именно так возвещали гигантские буквы. Заиграла военная музыка. Я огляделся, но заметил лишь, как поспешно прячутся всякие гоблины-блюдолизы, ибо на горизонте уже появилось нечто. Нечто очень большое и двигавшееся очень быстро. Нечто такое, что от его шагов тряслась земля.

У змея вырвалось негромкое шипение. Я тихонько соскользнул с его спины и поднялся на открытый парапет.

Ах!

Итак, исходная предпосылка этой игры уже по природе своей, похоже, носила враждебный нам характер. Надпись гласила: «ТЫ ВЫБРАЛ ТОРА», и уж точно это был именно он. По мосту Биврёст к нам приближался Громовник в прежнем своем обличье; он размахивал огромным молотом, а его исказившееся лицо прямо-таки пылало яростью...

Йормунганд страшно зашипел, и я никак не мог его в этом винить. Ведь когда они с Тором в последний раз встретились, это не слишком хорошо закончилось для моего чудовищного отпрыска. Оракул так описывает их схватку:

Теперь змей страшный землю обвивает,

Трясет, стряхнуть надеясь мстительного Тора.

Громовник побеждает в битве, но гибнет,

Сраженный ядом умирающего монстра.

Теперь, однако, ситуация создалась весьма неловкая, ибо Громовник был уже совсем близко. Это, разумеется, был ненастоящий Тор. Настоящий по-прежнему находился в Нифльхейме, зажатый в тисках своего собственного, личного ада; но, с другой стороны, и этот Тор – или призрак Тора? – обладал точно такой же рыжей бородой, и в руках держал точно такой же Мьёлльнир, да и к нам испытывал точно такие же чувства. Облачен этот Тор был в какие-то непонятные латы из сверкающего металла, которые, на мой взгляд, выглядели довольно

нелепо, а на голову водрузил шлем с рогами, отчего стал похож на огромную корову.

Однако сражение с Тором в мои планы отнюдь не входило. Во-первых, от боли я никакого наслаждения не испытываю, а во-вторых, если мои предположения правильны, эта игра и без того будет сопровождаться немалым количеством боли.

Я присел, спрятавшись за парашютом, и в ту же секунду молот этого псевдо-Тора с грохотом врезался в массивную стену буквально в нескольких дюймах от моей головы – удар сопровождался кратким, но ликующим воплем фанфар невидимого оркестра, звуки которого, впрочем, перекрыл могучий, подобный реву урагана голос моего врага:

– Беги, о порожденье Хаоса! Не устоять тебе под натиском могущественного Тора!

Да уж! Я не выдержал и рассмеялся. Даже наш знаменитый бард Браги, в свое время написавший немало дешевых виршей, наверняка отказался бы от подобного «стихотворного шедевра»!

– Конечности твои я вырву по одной, а после, удалившись в Валхаллу, я стану пировать, и, заострив как зубочистки твои кости, в зубах я ими буду ковырять!

Все это звучало, разумеется, смешно и нелепо, но вынужден признать, что чувства Тора поганенькие вирши передавали довольно точно. Когда наступил Рагнарёк и мы с Тором свиделись в последний раз, он, помнится, тоже обещал оторвать мне руки и ноги. К счастью, сегодня я прихватил с собой кое-кого, не просто способного отвлечь Тора, но и готового с ним сразиться не на жизнь, а на смерть.

Я вздрогнул, когда Мьёлльнир снова врезался в парашют, отчего в воздух взвился мощный столб черного дыма и во все стороны полетели гранитные осколки. Впрочем, Йормунганд тоже времени даром не терял и, заслонив меня от Громовника, бросился на него. Тор нанес змею чудовищный удар молотом и заставил его отлететь довольно далеко в сторону; некоторое время Йормунганд неуклюже кувыркался в мерцающем воздухе, затем ударился о некую невидимую стену и рухнул на землю с видом почти комического изумления. Ну

что ж, ничего не поделаешь. Пришлось признать, что такова особенность этого мира: проникнуть в него оказалось достаточно легко, а вот выбраться отсюда с той же легкостью нам вряд ли удастся. Придя в себя, змей оглушительно зашипел и ринулся на невидимую преграду, явно намереваясь ее сокрушить. Однако и во второй раз ему это не удалось, и он точно так же от нее отлетел, буквально кипя от ярости и ударившись о землю с такой силой, что содрогнулся даже парашют, на котором я стоял.

Я схватил какую-то ближайшую ко мне тварь, оказавшуюся гоблином. Ростом он был примерно с большую собаку, а его волосатая физиономия почти скрывалась под округлым шлемом, явно ему великоватым.

– Чей это сон? – потребовал я ответа.

Гоблин тупо смотрел на меня, выпучив глаза, светившиеся, точно золотые обручальные кольца. На мгновение мне даже показалось, что он и говорить-то не умеет. И тут он вдруг проскрипел:

– Отпусти меня, Капитан! Да отпусти же! Я ж ничего такого не сделал! И вообще это все не я!

Покрепче ухватив его за шиворот, я поинтересовался:

– Значит, ты меня знаешь? Откуда?

Гоблин явно был удивлен.

– Тебя, Капитан, все знают, – заявил он таким тоном, словно я спросил какую-то глупость. – Ты б лучше поспешал, не то и подготовиться не успеешь! Это ведь все-таки Тор!

Что ж, он, в общем-то, был прав. Тор – или некое воплощение Тора, случайно оказавшееся здесь в плену, – хоть и отвлекся на время, отбивая наскоки разъяренного Йормунганда, но сейчас снова направлялся прямо ко мне.

– А каким оружием я располагаю? Каким волшебством?

В ответ на мои вопросы гоблин снова выпучил глаза, как последний идиот, но ни слова так и не произнес.

– Только не говори, что в данный момент у меня ничего под рукой нет, – пригрозил я ему, прикидывая, не стоит ли приподнять его повыше и воспользоваться им в качестве щита. – У этой игры, у этой битвы – у всего этого мира, наконец, – есть определенные правила. Говори, каковы мои шансы, если я оказался безоружным?

Гоблин пожал плечами, содрогнувшись при этом всем телом, и проскрипел:

– Но ты ведь действительно знаменитый Трикстер! А значит, у тебя в запасе всегда целый мешок трюков, которыми ты вполне можешь воспользоваться.

– И какими же, например, трюками я могу воспользоваться?

– Да мне-то откуда знать! – сердито буркнул гоблин. – Или ты забыл, что ты бог, а я всего лишь маленький слуга Зла?

Я изобразил в воздухе некую руну – без особых, впрочем, ожиданий, – и был несколько удивлен, когда зазвучали фанфары и в воздухе примерно в футах от моего лица возник диск сверкающего серебряного света.

Рунический щит! И как удивительно вовремя! Громовник как раз попытался нанести мне очередной сокрушительный удар. Я ощутил это по содрогнувшемуся щиту; удар был поистине зубодробительный, и в любых других обстоятельствах Искренне Вашему попросту пришел бы конец. Впрочем, как я не без оснований подозревал, мой щит выдержал бы еще максимум пару таких ударов – но, с другой стороны, я вовсе не собирался торчать там и проверять, так ли это.

И, по-прежнему прикрываясь руническим щитом, я хорошенько подпрыгнул и постарался угнездиться на небольшом каменном выступе, нависавшем над парапетом. Выше скала была практически отвесной, так что прыгать было некуда; спрятаться на этом выступе тоже было невозможно; да и внизу меня не ждало ничего хорошего – или мгновенная смерть, или тошнотворно долгий полет и падение на твердую землю равнины Идавёлль. Однако ждать на этом выступе, пока псевдо-Тор до меня доберется и прикончит ударом своего молота,

я был не намерен. Мне всего лишь требовалось неким образом вступить в контакт с тем, кто в данный момент играл в эту игру – кем бы этот игрок ни оказался. Я должен был проникнуть в мысли хотя бы одного игрока – или мечтателя, или сновидца, как его ни называй, – и пусть он хотя бы на какое-то время предпочтет меня, а не Тора. Однако же я чувствовал, что здесь действуют одновременно сотни умов, сотни серебряных жизненных нитей сплелись между собой. Но должна же была мне подойти хоть одна из них! Не могли же все эти игроки оказаться фанатами Тора! Хоть кто-то из них способен был придерживаться альтернативной точки зрения?

А псевдо-Тор уже начал взбираться по скале. И мне стали практически слышны сотни перекликающихся голосов, наперебой призывавших его раскрыть мне череп, содрать с меня шкуру, как с апельсина, и т. п.

Я попытался прибегнуть к тактике проволочек и предложил:

– Э-э-э... может, мы сперва все мирно обсудим?

Тор обескураженно на меня посмотрел и ничего не ответил.

Я попытался воспользоваться другой расхожей формулой:

– «Молю тебя, о брат мой, о мой могущественный брат...» Э-э-э... послушай, может, лучше отложим это до другого раза?

И я стал потихоньку отодвигаться от Тора, не сводя глаз с Йормунганда, который наконец-то перестал бессмысленно биться о невидимую внешнюю стену и с выражением сердитой растерянности кольцом обвил весь видимый Асгард. А вот псевдо-Тор снова пришел в движение, и я был вынужден пустить в ход дополнительные аргументы.

– Я, собственно, что хочу сказать: это ведь не настоящий Асгард, а ты не настоящий Тор. – Тор молчал, и я решился: – Знаешь, мне бы очень пригодилась здесь твоя помощь... – Собственно, эта моя последняя мольба была обращена как бы ко всей Вселенной разом, и, конечно же, снова запели проклятые фанфары, а псевдо-Тор, словно очнувшись, с победоносным ревом ринулся на меня, размахивая молотом и явно намереваясь размазать меня по скале.

Я опять попытался прикрыться руническим щитом, однако на этот раз у меня ничего не вышло, и пения фанфар не последовало – разве что раздалось какое-то еле слышное печальное треньканье, словно я нечаянно наступил на лютню Браги, – так что мне пришлось поднять обе руки вверх, вспомнить об Асгарде и...

И тут до Йормунганда наконец-то дошло, кто его настоящий враг, и он в стремительном броске нанес Тору такой удар пониже спины, что наш псевдогерой, немного пролетев вперед, споткнулся, врезался лбом в стену и превратил в каменную пыль тот скалистый выступ, на котором примостился я. Разумеется, я тут же полетел вниз, беспомощно махая руками, но Тор успел схватить меня за волосы, притянул к себе и стиснул в сокрушительных объятьях...

Уфф. Оказалось, что даже в этом странном мире-пузыре я мог испытывать самую настоящую боль. В принципе, это, конечно, очень интересно, но мне почему-то вовсе не хотелось испытывать нечто подобное на практике, и я взмолился:

– Перестань, пожалуйста, перестань! Я могу помочь тебе бежать отсюда, только отпусти меня. Клянусь, что помогу тебе. Клянусь, что непременно отыщу способ освободить всех наших богов, если ты меня отпустишь...

В ответ псевдо-Тор прорычал нечто невразумительное, и руки его сами нащупали мое горло. В его налитых кровью глазах плескалось отчаяние; это были глаза существа, которое давно уже ни на что не надеется и ни во что не верит. Я бы, пожалуй, даже пожалел его, если бы в данный момент передо мной не стояла иная, более важная цель. Я заметил, что за спиной у Тора на парапет взобрался Мировой Змей и отряхивает свою башку, ставшую седой от пыли и мелких каменных обломков. Затем Йормунганд разинул свою чудовищную пасть, испуская невообразимую вонь и демонстрируя клыки размером с добрый айсберг, и мне осталось надеяться, что сперва он предпочтет напасть на Тора, а не на меня. Впрочем, справедливости ради замечу, что до сих пор мой план, за исключением одного момента, воплощался в жизнь весьма успешно.

Единственное, я никак рассчитывал, что окажусь поблизости от Йормунганда, когда он наконец соберется сделать свой ход. И я не придумал ничего лучшего, как обратиться с богохульной молитвой... то ли к этой игре, то ли к игрокам, то ли вообще ко всему свету:

– Пожалуйста, дайте мне хоть чуточку передохнуть, а? Вы хоть представляете себе, что это такое – быть Локи?

И в эту секунду Йормунганд, ударив с сокрушительной силой мощнейшего тарана, буквально вырвал меня из смертоносных объятий Тора. Я перелетел через парапет и, во весь голос вопя и ругаясь, снова полетел, беспомощно вращаясь в воздухе, вниз, вниз, на поле Идавёлль, а вокруг меня победоносно гремели фанфары, и в небесах, подобно северному сиянию, вспыхивала гигантская надпись:

ИГРА ОКОНЧЕНА!

Так я вновь возродился во плоти.

Глава пятая

Боги, какое потрясающее ощущение! Какой невероятный конец путешествия! Клянусь, ничего подобного я никогда в жизни не испытывал. Ведь я, подобно новорожденному, вынырнул из реки Сновидений прямо в новое живое тело и сразу испытал целую бурю чувств и ощущений – жару, холод, голод (в том числе и сексуальный), радостное возбуждение, зверский аппетит; я различал всевозможные краски и оттенки; я слышал самые разнообразные звуки... Нет, у меня поистине не хватает слов, чтобы все это описать! Я был настолько потрясен, что далеко не сразу понял, что со мной произошло все-таки нечто немного странное.

Когда Один впервые вызвал меня из царства Хаоса, я сразу оговорил, каково должно быть мое обличье: рыжеволосый молодой человек, безусловно обаятельный, хотя его шарм и может кому-то показаться несколько *louche*[21 - Двусмысленным (фр.)]. И в другой раз тоже, едва выбравшись из пут волшебницы Гульвейг-Хейд, я прежде всего постарался не только полностью восстановить свою магическую силу, но, естественно, и свою прежнюю телесную форму. Да и в игре «Asgard!», как оказалось, у меня было примерно то же обличье; во всяком случае, сей «отрицательный персонаж» был явно создан по

моему образу и подобию; может, портрет получился и не совсем точный, но вполне узнаваемый. Но сейчас все вышло по-другому. Ведь до этого возрождения я телесной формы вообще не имел; как не имел и магической силы, чтобы такую создать. И все же я определенно возродился в физическом мире и в физическом теле.

Потрясение было столь велико, что мне даже показалось, будто я спятил – меня распирал такой гигантский клубок разнообразных чувств и переживаний, невероятным усилием запихнутых в одну телесную оболочку, что было трудно дышать. Перед глазами все плыло. Я упал на колени, чувствуя под собой какой-то твердый, видимо деревянный, пол, от которого исходил запах пыли и пчелиного воска. В ушах у меня все еще гулко звучало эхо битвы; во рту отчетливо чувствовался медный вкус крови; а сам я словно снова падал, падал, падал вниз с разрушенного парапета Асгарда...

Некоторое время я неподвижно лежал на пыльном полу, прислушиваясь к оглушительному стуку собственного сердца. Потом паника постепенно улеглась, тошнота стала вполне переносимой, и я осмелился открыть глаза. Передо мной было некое незнакомое помещение, тускло освещенное странной светящейся коробкой. На полу в беспорядке валялась смятая одежда. На стенах висело несколько портретов мужчины, облик которого показался мне смутно знакомым. Кровать была не застлана; занавеси на окнах задернуты. И я догадался, что сейчас, должно быть, ночь.

Я поднял свои руки и осмотрел их. Они показались мне довольно тощими, но вполне действовали. На мгновение передо мной вроде бы мелькнул серебристый отблеск руны Каэн, хотя, в отличие от моей собственной руны, этот знак выглядел как бы перевернутым...

Ү

...но, более внимательно осмотрев свое запястье, я понял, что это всего лишь бледный шрам, который случайно оказался похож на мою личную руну. Вообще моя новая рука была буквально покрыта шрамами, они опоясывали ее чуть ли не до локтя, и я знал, что появились они там не случайно, хотя понятия не имел, откуда мне это известно. И тут я заметил нечто такое, что заставило меня

неуклюже подняться с пола и бегом ринуться туда, где, как я откуда-то знал, находится ванная комната. Там над раковиной висело зеркало (у меня пока не было времени удивляться тому, каким образом все эти вещи стали мне известны), и я, включив верхний свет, внимательно взгляделся в свое отражение.

Я понимаю. Это клише. Ну так пристрелите меня – но я и впрямь немного боялся того, что могу увидеть в зеркале. «Что, если я безобразен?» – думал я. Если угодно, можете назвать меня пустышкой, но я же всегда считался неотразимым, а потому одна лишь мысль о том, что в своем нынешнем обличье я могу оказаться не столь соблазнительным, наполняла мою душу неким безымянным ужасом.

Ох!

Ну безобразным-то меня точно нельзя было назвать. Уже одно это принесло мне определенное облегчение. На самом деле, когда несколько улеглось то новое потрясение, которое я испытал, впервые увидев себя в зеркале, я, пожалуй, готов был даже одобрить свою внешность. У меня были серые глаза, светлые волосы неопределенного оттенка (ну уж это-то изменить нетрудно!), а рот выглядел чуть более серьезным, чем тот, к которому я привык (однако я чувствовал, что добрая порция смеха способна сотворить с выражением моего лица настоящее чудо); кожа определенно была хороша; скулы умеренно высокие; тело в целом немного неуклюжее и довольно тощее, но, приложив небольшие усилия, это можно было с легкостью исправить. Я смотрел на себя и никак не мог избавиться от мысли, что упускаю из виду нечто весьма существенное...

Потом наконец до меня дошло. Ну да, конечно, я должен был бы сразу это заметить, но дело в том, что я несколько веков пробыл в темнице Нифльхейма, и все это время мысли мои были заняты совсем другими вещами. Но теперь-то я все видел ясно. Эти странные волосы, эта мягкая линия подбородка... И полное отсутствие спереди, под штанами, кое-чего очень и очень важного...

Я снова уставился на свое отражение в зеркале. Увы, сомнений не было.

Я оказался девушкой.

Глава шестая

Что ж, могло быть и хуже, подумал я. Мне не раз доводилось менять обличье; я успел побывать и конем, и невестой, и оводом, и соколом, и змеей, и старухой. Я даже сам рожал – повторять этот малоприятный опыт мне совсем не хотелось бы, зато я, по крайней мере, сумел значительно ближе познакомиться с концептом гендерных различий. В общем, внимательно вглядываясь в свое отражение, я все больше склонялся к мысли, что мне повезло. Я был молод, выглядел вполне здоровым и даже, пожалуй, привлекательным, хотя слишком короткая стрижка и казалась мне несколько грубоватой по сравнению с той пышной шевелюрой, к которой я привык.

Одет я был в нечто черное, бесформенное, с капюшоном; внизу – узкие штаны в обтяжку (Это джинсы, прозвучал у меня в ушах чей-то далекий голос); на ногах – довольно грубые ботинки из прочной кожи. На левой руке (той, что была покрыта шрамами, похожими на руническую письменность) красовалась целая связка браслетов, сплетенных из какой-то яркой пряжи или кусочков ткани. Уши были проколоты в нескольких местах, как и левая бровь, и в каждой дырочке красовалась маленькая бриллиантовая сережка-гвоздик. Грудь, правда, несколько разочаровала меня своими весьма небольшими размерами, но, с другой стороны, я, будучи отпрыском демона огня и сам легковоспламеняющийся, никогда не находил особо пышный бюст таким уж привлекательным. Я только-только начал исследовать куда более многообещающие нижние части своего нового тела, когда тот же тихий голос, который объяснил мне, что те узкие штаны называются «джинсы», довольно резко меня остановил:

«Какого черта?! Ты что это делаешь?»

Ага, это, должно быть, моя «квартирная хозяйка», понял я. Честно говоря, я настолько увлекся, изучая свое нынешнее обличье, что и думать забыл о его исходном владельце. Точнее, владелице. Вообще-то я ожидал, что она освободит помещение. Очевидно, этого не произошло.

– Ох, извини, – сказал я вслух.

Как ни странно, от этого моя хозяйка еще больше расстроилась и тут же начала сыпать вопросами:

«Ты кто? Что ты тут делаешь?»

– Извини, я совсем не хотел тебя пугать, – попытался я ее успокоить. – Вот только... Ты помнишь компьютерную игру, в которую играла всего несколько минут назад? Там еще был такой симпатичный рыжий парень, самый настоящий златоуст? И второй – здоровенный волосатый психопат? Вспомнила?

«Ну вот, теперь мне еще и голоса слышатся! – мысленно воскликнула моя хозяйка. – Просто прекрасно! Только этого мне и не хватало!»

– Нет, правда, ты вспомни. – Я продолжал говорить вслух, стараясь как-то ее приободрить. – Это же я там был. Я – Локи.

«О господи! Я, что ли, и впрямь с ума схожу? А может, это Эван решил пошутить и плеснул мне в стакан какой-то дряни? Ну да, наверняка это его проделки. Не знаю уж почему, но он именно такие вещи находит смешными. Нет, я его просто убью! Где мой телефон? Ей-богу, на этот раз я его и впрямь прикончу».

Я сделал у себя в мозгах зарубку: надо запомнить это имя – Эван. Судя по всему, он вполне ничего. И я предпринял новую попытку.

– Знаешь, выражение «схожу с ума» носит излишне негативный характер. Мне больше нравится «я несколько расстроена» или «я не совсем в порядке». Порядок – это вообще очень скучно. А уж самое веселье там, где начинается Хаос!

Моя хозяйка заткнула пальцами уши, но потом взяла себя в руки, помолчала немного, чтобы голос не дрожал, и заорала:

– Не желаю я тебя слушать! Не желаю! Бла-бла-бла! Не желаю слушать и не буду! Бла-бла-бла! И нечего притворяться – там никого нет и быть не может!

Я подождал, пока она выдохнется, а потом, вновь обретая контроль над ситуацией, миролюбиво осведомился:

– Ну, все? Теперь моя очередь?

Несколько мгновений было абсолютно тихо; сколько-нибудь внятной реакции на мои слова вообще не последовало; затем снова посыпались какие-то мысленные проклятия, вопли, визги, и я решил позволить ей выплеснуть избыток эмоций – примерно так хорошие родители стараются не реагировать на капризы своего малыша. (Правда, в отличие от моих детей, у этой девочки явно не было ни малейших намерений уничтожить в приступе безудержного гнева все Девять Миров, проглотить Солнце и Луну или положить конец Человечеству.) Затем ее возмущение стало понемногу стихать, и я, воспользовавшись этим, снова заговорил:

– Я тебя понимаю: это, конечно, довольно странное ощущение. Поверь, уж я-то очень хорошо представляю себе твое состояние. Но так уж получилось. И прежде чем ты снова начнешь ругаться и постараться действительно меня обидеть, позволь мне сказать, что это никакой не сон, а самая настоящая реальность, и как бы ты ни старалась от меня избавиться, я все равно никуда не денусь. Я очень упорный. Это одно из моих многочисленных замечательных качеств.

Последовало долгое, даже чересчур долгое молчание.

«Значит, по-твоему, я не сумасшедшая? И мне теперь от этого чумового ощущения никогда не избавиться?»

– По-моему, ты просто сама себя не помнишь от гнева и волнения. Постарайся понять: все, что способно тебе присниться, существует на самом деле – ну, по крайней мере, в определенном смысле. Я тебе приснился – и вот он я! Просто, как Fe, Ur, Thuris.

«Что?»

– Извини. Просто, как А, В, С. Все-таки трудно сразу приспособиться к вашим местным идиомам. И потом, возникает серьезный вопрос с гениталиями... Тут, если честно, тоже определенная привычка потребуется.

«Немедленно прекрати! Дай мне сперва самой как следует во всем разобраться. Ты говоришь, что ты – Локи? Тот самый Локи? Трикстер из Асгарда? Сын Лаувей, Мастер Лжи, отец Мирового Змея, ближайший родственник того чудовищного Волка и т. д. и т. п.»

– Именно так. Это я собственной персоной, – подтвердил я. – Ну вообще-то не совсем собственной. Точнее, не в том виде, в каком я обычно существую. Но это отнюдь не означает, что я не испытываю благодарности за твое гостеприимство – напротив, я чрезвычайно тебе благодарен!

«Да-да... – Она явно начинала понемногу успокаиваться. – Только я все равно совершенно не врубаюсь. Все это, по-моему, просто какая-то безумная галлюцинация. Галлюцинация или фокус. А может, я слишком замечталась? Это со мной иной раз бывает. Особенно в классе, во время занятий. Или я какой-то вирус подцепила? Ну, скажем, что-то вроде сонной болезни? Она ведь, кажется, именно на мозг воздействует? А что, если я в зомби превращаюсь? Может, это какая-то зараза, которая нормальных людей превращает в зомби? Или и это тоже мои фантазии?»

Я попытался что-то объяснить ей насчет реки Сновидений, древних богов и нашего долгого заключения в донжонах Нифльхейма, опираясь в основном на парадоксальность так называемой Реальной Действительности. Я упомянул о ее бесконечных возможностях и о тех наших обличьях, что рассыпаны по всем Девяти Мирам. Я втолковывал ей, что даже сама Смерть обязана подчиняться законам Порядка и Хаоса; что ничто и никогда на самом деле не умирает, а наша волатильная сущность может быть извлечена и помещена в некие новые образы и обличья, подобно тому, как духи помещают во флакон, и затем каждый из этих флаконов существует как бы отдельно от остальных, однако он столь же реален, как и все другие, и его содержимое точно так же, как и содержимое прочих флаконов, полностью соответствует исходной формуле духов.

Она опять очень долго молчала.

Затем я вновь мысленно услышал ее голос, но теперь он звучал уже вполне спокойно: «Когда я увижу Эвана, я его попросту пристукну. А потом и еще разок на всякий случай – просто чтобы уж наверняка».

На мгновение я даже испугался: а вдруг Тор неким образом сумел последовать за мной и тоже поселиться в теле моей «квартирной хозяйки» – такими знакомыми показались мне и ее мстительность, и те выражения, которыми она пользовалась. Но потом я все же решил, что она, должно быть, просто слишком много времени уделяла игре «Asgard!» и в результате усвоила кое-какие из наименее привлекательных манер Громовника.

Она, по всей видимости, услышала мои мысли и поспешила оправдаться: «Но ведь это же просто игра! Она состоит из световых сигналов и пикселей. Там все ненастоящее. Как же это может стать реальным?»

Я пожал плечами.

– Ты называешь это пикселями, а я – эфемерными видениями. Сон соткан из них, моя дорогая: из миллионов крошечных мимолетных видений. Ты вытащила меня из реки Сновидений, и я как таковой столь же реален, как и все то, что можно себе вообразить. На самом деле я даже более реален, чем кое-что из воображаемого, – продолжал я, вспоминая и куда более странные разновидности эфемерных явлений, с которыми сталкивался во время своих странствий по царству Хаоса. – Впрочем, ты, возможно, не знакома с одной интересной теорией, согласно которой именно подобные эфемерные частицы и составляют основу всего на свете, а Сон – это всего лишь одна из составляющих куда большей реальности.

Я выждал, пока моя хозяйка как-то переварит полученную информацию. Я чувствовал, что она всеми силами сопротивляется – и мне, и подобным представлениям о Реальной Действительности (как вы, люди, это называете), и понятию «Девять Миров».

«Все это полное дерьмо! – изрекла она в итоге. – Плод моего чересчур развитого воображения. Ну скажи: с какой стати какой-то бог вдруг выберет меня? И почему именно Локи? Локи – плохой парень, это всем известно!»

– Просто меня всегда неправильно понимали! – возмутился я. – Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю с самого начала. Но сейчас о том, как я падал, а ты меня спасла. Должно быть, какая-то часть твоей души откликнулась на мою беду, и ты, так сказать, протянула мне руку спасения. Ты наверняка почувствовала некую связь с...

«Но почему именно ты, а не...»

– Кто?

«Неважно. Никто! – отрезала она. – Господи, теперь я еще и сама с собой спору! Вот чем кончается бесконечное чтение. Ей-богу, лучше б я в волейбол играла! Ничего, – уговаривала она себя, – надо просто закрыть глаза, и он тут же исчезнет. поймет, что ты его раскусила. Он же не настоящий; он просто часть тебя самой, плод твоего подсознания. И никакого особого вреда он тебе причинить не может, ты уже сама себе куда больший вред причинила. Так что просто закрой глаза и считай до десяти. Один. Два. Три...»

Я ждал. Времени у меня было сколько угодно. Наконец я почувствовал, что ее сопротивление начинает ослабевать, а неверие и паника медленно отступают. Затем она мысленно спросила:

«Ты все еще здесь?»

– Боюсь, что да.

«А когда собираешься уходить?»

Это было, по крайней мере, невежливо и совсем уж негостеприимно; я был, пожалуй, даже уязвлен и обиженным тоном заметил:

– А ведь некоторые, знаешь ли, сочли бы за честь и огромную привилегию принимать у себя одного из богов Асгарда!

Она не ответила, но я почувствовал, что она как бы мысленно пожала плечами. А потом сказала: «Не обижайся, но у меня и без древнескандинавского божества, которому вздумалось у меня в башке поселиться, личных проблем хватает. И потом, откуда мне знать, что ты действительно Локи? Вообще-то, по-моему, выражаешься ты совсем не так, как должен был бы настоящий Локи».

Я снова почувствовал обиду:

– Что ты, собственно, имеешь в виду?

«Ну, Локи ведь жил давным-давно. И тебе, наверное, следовало бы выразиться примерно так: «О, брат мой! Поднимись же в Валхаллу со мною вместе, станем там пировать с нашими предками...» Разве я не права?»

Я изобразил полнейшее отчаяние и даже на мгновение лицо руками закрыл.

– И где только ты подобной чепухи набралась?

«Да из фильмов, из книг, из игр... Отовсюду понемногу».

– Ох, довольно, пожалуйста... – Я чувствовал, что мне, наверное, с этой особой так просто не сладить. – Сколько тебе лет-то, девять?

Последовала бурная вспышка негодования, и моя «квартирная хозяйка» презрительно заявила:

«Не говори глупостей! Мне уже семнадцать!»

– Не может быть! – искренне удивился я.

«Ну по крайней мере, я не выдаю себя за одного из героев каких-то дурацких допотопных сказок! И вообще, если б я знала, какой ты козел, я бы эти сказки никогда и читать-то не стала».

Я вздохнул.

– О, боги... Неужели тебе действительно семнадцать? Извини... э-э-э... запамятовал, как тебя зовут?

Она фыркнула. «Все зовут меня Попрыгуньей».

– Ладно, извини меня, Попрыгунья. Я не хотел тебя обидеть. Как-то неправильно мы с тобой этот разговор повели. Может, начнем все сначала? Понимаешь, это ведь очень нелегко – сперва ты умираешь, потом тебя несколько столетий подвергают всевозможным пыткам, а потом ты вдруг оказываешься в теле человека, который твоего там присутствия вовсе не желает. Вот, собственно, только это я и хотел тебе сказать. Пожалуйста, дай мне немного времени, чтобы в себя прийти. Считаю меня... – Я не сразу сумел найти подходящее слово, чтобы она все поняла. – Ну, скажем, беженцем, что ли. Или дезертиром. Неужели ты могла бы сказать человеку, с невероятным трудом спасшемуся от ужасов войны, «убирайся»? Зная, через что ему пришлось пройти?

Некоторое время она сердито молчала, затем мысленно пообещала: «Ладно, я постараюсь. А знаешь, мне эти легенды об асах очень даже нравились».

– Ну что ж, уже неплохо – для начала. Должен признаться, истории о нас рассказывают и впрямь впечатляющие, хотя я лично в них представлен далеко не в лучшем виде. Придется, видно, внести кое-какие поправки – надо же наконец восстановить истину. Напомни как-нибудь, чтобы я непременно этим занялся. Однако если я и впрямь твой любимый герой, то в этих историях явно должно было быть и кое-что правдивое, не так ли?

«С чего ты взял, что ты мой любимый герой? Я этого никогда не говорила», – усмехнулась Попрыгунья.

– Как?

«А так. Ты, похоже, в целом ничего, но моим любимым героем точно никогда не был».

– Но как же...

Увы! Но я действительно был задет. Я ведь полагал, что оказался в ее теле именно потому, что между мной и ею, хозяйкой этого тела, существует некая особая связь. Однако теперь она хладнокровно объяснила мне, что я в ее душе занимаю далеко не первое место. Как же так?

Совершенно инстинктивно, пытаюсь отыскать ответ на этот вопрос, я стал рыться в мыслях Попрыгуньи, и у меня сразу же возникло ощущение, будто я попал в некий чрезвычайно сложный архив и с огромным трудом пытаюсь разобраться в переплетении многочисленных коридоров и переходов, по пути заглядывая в разнообразные адресные книги и справочники, содержащие в высшей степени удивительную информацию: воспоминания и факты, словарный запас родного и иностранных языков, всевозможные чувства и фантазии. Я уже понимал, что до определенных вещей мне будет очень трудно добраться – то и дело встречались запертые двери, ведущие в некие неосвещенные пространства, – но пока мне хватало и таких помещений, которые были вполне доступны и хорошо освещены, и я легко сумел найти то, что искал. Там, например, была целая галерея, посвященная богам Асгарда – комиксы, книги,

постеры, компьютерные игры. Да уж, Попрыгунья действительно оказалась настоящим фэном, хотя ее версия восприятия богов Асгарда была, на мой взгляд, весьма далека от истины и почти абсурдна. Обдумывая это, я вдруг понял, почему мне показалось, что портреты на стенах ее комнаты кого-то смутно мне напоминают.

Я был настолько потрясен этим открытием, что даже сел.

– Тор? Ты хочешь сказать, что твой любимый герой – Тор?

Моя хозяйка растерянно пожала плечами. «Ну, понимаешь...»

– Именно он? Это грубое животное? Этот жестокий тип, которому доставляло удовольствие таскать меня за волосы? Этот мерзкий обжора, любимым развлечением которого было набить брюхо на пиру, потом выпить четырнадцать бочек меда, а потом всех гостей перебить? Этот тупица, который столь чудовищно несведущ, что однажды – клянусь! – принял Мирового Змея за кошку?

«Сейчас ты, может, и находишься у меня в голове, – холодно заметила Попрыгунья, – но впредь имей в виду: это ни в коем случае не дает тебе права указывать мне, что именно я должна о ком-то думать».

– Хорошо, хорошо. Ты хозяйка – как скажешь, так и будет.

Последовала затяжная пауза, и в тишине стало слышно, как бурчит от голода мой несчастный живот.

– Вообще-то мое брюхо явно намекает, что неплохо бы позавтракать, – осторожно заметил я. – Уж об этом-то мы спорить не будем?

Но Попрыгунья лишь снова пожала плечами и заявила: «Я не голодна».

– Ты что, с ума сошла? Я, можно сказать, умираю от голода! – возопил я.

Меня даже дрожь пробрала от столь категорического отказа; я чувствовал, что объяснение этому спрятано где-то глубоко, за одной из запертых дверей ее памяти. И все же ее реакция показалась мне довольно странной и неприятной;

в своей предыдущей инкарнации я всегда с удовольствием воспринимал любые разновидности физических удовольствий, даже совсем незнакомых. Впрочем, куда важнее было то, что вот уже несколько столетий у меня во рту не было ни крошки хлеба. Я бы сейчас и на сухую корку согласился, не говоря уж о тартинках с джемом или о доброй чаше вина.

– Последуй же за мной в Валхаллу, о Попрыгунья! И вместе с нашими предками мы попируем на славу в этой священной обители. – Я очень старался соответствовать той роли, которую она мне пыталась навязать.

«Нет, мы не можем...» – начала было она, но я не дал ей договорить:

– Да ладно тебе! Давай, идем скорее! Тебе не вредно и полной жизнью немного пожить!

И я, повинувшись тому же инстинкту, который заставил меня рыться в памяти моей юной хозяйки, совершил следующий шаг: взял ее тело под свой контроль.

Глава седьмая

Ощущение было такое, словно я, перехватив поводья, сам стал править бешено мчавшейся колесницей. Несколько мгновений Попрыгунья бурно протестовала, но я немного поднажал, воздействуя на ее мысли изнутри, и сопротивление постепенно угасло. И мне осталось лишь следовать инстинктам (как своим собственным, так и Попрыгуньи). Миновав спальню и пройдя по коридору, мы оказались в кухне перед каким-то большим белым ящиком с дверцей, за которой обнаружилось такое количество самого разнообразного съестного, что я просто в восторг пришел.

«Это холодильник», – снова мысленно пояснила Попрыгунья. Ее голос, казалось, доносился откуда-то издалека, но мне в данный момент было, честно говоря, не до этого. В этом ящике, называвшемся холодильник, имелись и пухлая жареная курочка, и сыр, и хлеб, и молоко, и какие-то неизвестные (но поистине восхитительные) кушанья из мяса; moreover, приятней всего было то, что там нашлось даже пиво, хотя и в каких-то странных и очень холодных

металлических цилиндрах. Правда, я не сразу догадался, как такой цилиндр открывается, но с помощью моего «внутреннего гида» («Потяни за колечко», – посоветовала мне Попрыгунья) все же нашел путь к вожделенному пенному напитку.

Видимо, я совершенно распоясался и, возможно, даже несколько перегнул палку, хотя время от времени все же слышал голос Попрыгуньи, тщетно пытавшейся меня остановить и возмущенно твердившей: «Калории! Эта еда слишком жирная! А пиво я вообще никогда не пью!» Если честно, я на ее негодующие вопли практически не обращал внимания, ибо был страшно занят, перемещаясь от холодильника в кладовую и обратно. Обследовав несколько ящиков и консервных банок, я обнаружил какие-то странные коричневые плитки, которые неожиданно оказались удивительно вкусными.

«Шоколад! О нет, только не это!» – простонала Попрыгунья, предприняв очередную отчаянную попытку восстановить контроль над собственным телом.

– Ай! – невольно вскрикнул я, когда дверь кладовой, резко захлопнувшись, довольно-таки больно ударила меня по руке. И от этой боли – самой настоящей телесной боли, столь непохожей на ту, что терзала всех нас в Нифльхейме, – я внезапно пришел в себя; мою голову точно сунули в ведро со льдом.

– Какого черта? Ты зачем меня ударила? – возмутился я. Ведь она и сама наверняка точно так же почувствовала эту боль, ибо мое присутствие ничуть подобным ощущениям не препятствовало. И тут я с некоторым удивлением, но вполне отчетливо понял, что на боль ей плевать, а в отчаяние она пришла в основном потому, что я съел слишком много шоколада, который – как я узнал, второпях заглянув в ее мысленную директорию, именуемую ПИЩА, – считался здесь, видимо, некой разновидностью яда и должен был столь пагубно подействовать на мою внешность, что вскоре я стал бы похож на мерзкого жирного тролля.

Я взглянул на свое отражение в кухонном окне, но никаких особых перемен пока не обнаружил. По всей вероятности, мой организм достаточно легко справился даже с таким количеством шоколада. Однако теперь передо мной стояла куда более сложная задача: как справиться с разбушевавшейся Попрыгуньей, если мы с ней вынуждены существовать в одном теле?

«Ты совершенно не умеешь держать себя в руках! – сердито выговаривала она мне. – Почему ты меня не слушаешься? Мне пришлось чуть ли не силой тебя останавливать! Боже мой! Что скажут мои родители, когда увидят, что ты натворил...»

Я намекнул ей, что взывать к другому богу, когда у тебя в гостях древнее божество, – это в высшей степени дурной тон.

– И потом, мне просто хотелось есть! Да и тебе, по-моему, тоже.

Она только рассмеялась. «Мне всегда хочется есть. Ну и что? Это вовсе не означает, что я стану за обе щеки уплетать пончики и сыр, как только у меня пробудится аппетит!»

– А почему бы и нет? – искренне удивился я.

«Потому что... – начала было она и тут же оборвала себя. – Ох, да какой смысл тебе объяснять? Ты же мужчина. Что ты понимаешь?»

Но мне почему-то показалось, что она все же очень хотела бы мне все это объяснить, и я решил снова заглянуть в ее память – в тот раздел, что был помечен табличкой ГОЛОД, – и оттуда так и посыпались самые различные образы: например, некая блондинка, в определенной степени напоминающая Фрейю, которая стояла на пляже в лучах заходящего солнца. Затем мне попала еще какая-то красotka, наготу которой скрывала всего лишь пара довольно неубедительных крыльев; затем весьма странная запертая шкатулка с какими-то цифрами на крышке и еще некие воспоминания о недавнем детстве Попрыгуньи, в которых звучала странная песенка о каком-то сухопутном ките:

Жозефина – толстый кит, она по берегу бежит!..

– Кто такая Жозефина? – спросил я.

«Это я», – мрачно буркнула Попрыгунья.

– Странное имя. А как это кит может бегать по берегу?

«Немедленно прекрати! – совсем рассердилась она. – Это мои личные проблемы!»

– Проблемы? Эта глупая дразнилка, достойная в лучшем случае учеников первого класса? Мне казалось, что подобная чушь есть в открытом доступе...

«Нет. В данном случае – нет! – Попрыгунья явно была раздосадована. – И вообще прекрати совать нос в мои мысли и воспоминания, понял? И оставь наконец шоколад в покое».

Я оставил. Честно говоря, меня от него уже слегка подташнивало. Все-таки у меня несколько веков не было никакой физической подпитки, и сейчас я, похоже, перебрал. Впрочем, умеренностью я никогда и ни в чем не отличался.

«А теперь тебе придется все привести в порядок, – сообщила Попрыгунья. – Посмотри, какое безобразие ты тут устроил».

Ну, я действительно кое-что уронил на пол. Там, например, валялись обглоданные куриные кости, несколько пустых баночек и пакетиков и еще какая-то скользкая дрянь («Это называется йогурт», – пояснила Попрыгунья), которая с виду выглядела довольно соблазнительной, но оказалось, что на вкус это сущая мерзость.

Я на минутку задумался, представив себе, что это за мир такой, в котором меня, может, еще и полы мыть заставят, а потом удивленно спросил:

– Неужели для таких целей у вас слуг нет? – И тут меня посетила еще одна, весьма неприятная, мысль: а что, если Попрыгунья и есть служанка? Однако мой вопрос о слугах настолько ее насмешил, что все мои сомнения тут же развеялись.

«Какие еще слуги? Ты что, шутишь? Это же совершенно естественно – убрать за собой после еды. Ты ведь все-таки не животное, а?»

– В настоящий момент нет, – поспешил я ее успокоить. – Но знаешь, я все-таки еще не привык к такому порядку вещей, я только-только начинаю его познавать.

Она пренебрежительно пожала плечами. «Ладно, давай-ка побыстрее все уберем, а то уже совсем поздно, а мне все-таки нужно хоть немного поспать. А потом, когда я проснусь...»

– О нет, даже не надейся! – Всего не нужно было быть гением, чтобы понять, что именно она недоговорила. Она ведь надеялась, что, когда проснется, меня в ее теле уже не будет. – Я пока что никуда переезжать не собираюсь. Ты меня впустила, и я остаюсь с тобой. Так что принеси в столовую еще один стул. Я некоторое время у тебя погощу.

Ясное дело, она мне не поверила. Но для меня это уже никакого значения не имело: я так или иначе никуда уходить не собирался. Я подмел пол, выложенный гладкой коричневой плиткой, высыпал мусор в корзину и направился в спальню. Когда я начал раздеваться и уже бросил на пол, заваленный всяким барахлом, бесформенную хламиду с капюшоном, Попрыгунья вдруг закрыла глаза.

– Ты зачем глаза-то закрыла? – спросил я.

«Не хочу, чтобы ты на меня смотрел!»

Мне стало смешно.

– Но ведь я же в тебе. Я знаю и вижу то же, что и ты. Я чувствую так же, как ты. Неужели ты думаешь, что-то изменится, если ты просто глаза закроешь?

Она снова пожала плечами. «Все равно. Я не хочу».

– Ладно, – согласился я и с закрытыми глазами подождал, пока она напялит на себя что-то розовое и тоже бесформенное – она это называла то ночнушкой, то пижамкой, – усыпанное изображениями маленьких пингвинов. Открыв глаза, я убедился, что свет в спальне по-прежнему горит, а Попрыгунья, буквально вцепившись в некий предмет, украшенный изображением кошки («Это телефон», – пояснила она), несколько секунд, моргая глазами, неотрывно смотрела на маленький экран телефона, быстро нажимая пальцами на какие-то клавиши, которые она мысленно называла ключами; я еще подумал, что это весьма подходящее название, поскольку они явно предназначены, чтобы отпирать запретные дверцы и раскрывать неразгаданные тайны. Потом из ее объяснений я понял, что с помощью этих клавиш открывают не дверцы, а некие

окна, помеченные таинственными надписями: ЧАТ, ИМЕЙЛ, ИНСТАГРАМ. Я хотел было нажать на одно окно с надписью ФЕЙСБУК, но Попрыгунья не дала и, пропустив его, открыла другое окно под названием МУЗЫКА. Я, разумеется, почувствовал, что ей хочется держать меня подальше от этой Книги Лиц[22 - Именно так, буквально, перевел для себя Локи слово Facebook.]. Я догадывался, что у нее в голове существует некий эквивалент этой Книги, и если я сумею открыть его для себя, это даст мне доступ к самым интимным сведениям о ее семье и друзьях – то есть ко всему тому, что, собственно, и является главным в ее жизни. Но пока что она отнюдь не собиралась делиться со мной подобной информацией.

Сунув мне в уши какие-то маленькие штучки – наушники, она заставила меня слушать музыку, но совсем не такую, к какой я привык. Музыка была тихой, меланхоличной, и я даже сумел различить некоторые слова – похоже, это была некая жалоба или плач, но большая часть идиом оказалась мне все же незнакома. Да и музыкальные инструменты тоже были мне незнакомы, хотя лютни среди них точно не было, что очень меня порадовало.

– Пытаешься меня убаюкать? – спросил я, твердо намереваясь бодрствовать – я ведь понятия не имел, как будет дальше функционировать мое новое тело и не утрачу ли я над ним контроль, если позволю себе уснуть.

Попрыгунья лишь в очередной раз пожала плечами – выглядело это, как некая комбинация различных мелких движений: она одновременно приподнимала плечико и с вызывающим видом вздергивала подбородок. Такие движения очень типичны для подростков в период самоутверждения. Затем она легла, закрыла глаза и больше не произнесла ни слова. Ну глаза-то – это ведь были наши общие глаза – я, наверное, мог бы и открыть, но постель оказалась такой мягкой и теплой, а я, впервые за долгое время пребывая во плоти, наслаждался отдыхом, так что искушение оказалось слишком сильным: я отбросил все страхи и сомнения, чувствуя, как приятно будет уснуть в мягкой постели. Некоторое время я еще сопротивлялся сну; меня мучил вопрос: проснусь ли я в этом физическом мире или же снова окажусь в донжоне Нифльхейма среди павших богов? Но вскоре я все же соскользнул во тьму благодатного сна и... проснулся от голоса Попрыгуньи, которая сердито повторяла: «Черт! Черт! Черт!»

Итак, свою первую ночь я пережил успешно.

Глава восьмая

– Черт, черт, черт! – громко выкрикивала Попрыгунья. – Ну почему это должно было случиться именно сегодня?!

Я потянулся, наслаждаясь солнечным светом. На телефоне, лежавшем рядом с кроватью, мигали какие-то цифры. Я чувствовал, что Попрыгунье нужно куда-то бежать, но, пребывая еще во власти сна, не видел ни малейшей причины тоже немедленно вскакивать и начинать управлять нашим с ней общим телом. Снилось ли мне что-нибудь? По-моему, да. В памяти шевелились какие-то полузабытые впечатления. Что-то связанное с неким холмом, рунами и незнакомым предметом, который сиял, как солнце...

А где-то в дальнем углу моего сознания – ну хорошо, нашего общего сознания – слышались недоуменные возгласы Попрыгуньи: «Не может быть, чтобы ты и утром оказался здесь! Ты же должен был к утру исчезнуть! Нет, я никак не могу допустить, чтобы ты тут так и остался! Тем более сегодня!»

Я глубоко вздохнул, прогоняя остатки сна. Впереди были по крайней мере двенадцать часов бодрствования, так и манившие меня сиянием своих скрытых возможностей. Целых двенадцать часов свободы! Целых двенадцать часов драгоценной жизни! Я снова с наслаждением потянулся и понял, что страшно голоден. Но для Попрыгуньи – хотя и она отсутствием аппетита явно не страдала – желание немедленно позавтракать оказалось далеко не на первом месте.

«А что, сегодня какой-то особенный день? – мысленно спросил я у нее. – Я планировал сперва хорошенько подзаправиться, затем, возможно, с удовольствием полежать в теплой ванне, а уж после этого можно было бы и за дела приняться; например, приобрести что-нибудь пристойное из одежды, потому что то, что ты носишь, похоже скорее на жалкие обноски пещерного тролля...»

– Нет! Сегодня мне нужно быть в школе! – отрезала Попрыгунья.

В школе? Я соотнесся с ее внутренним лексиконом. Раздел в нашем совместном мысленном пространстве, обозначенный как ШКОЛА, был окутан сплошным

мраком. Похоже, это понятие будило в душе моей хозяйки слишком много противоречивых и даже конфликтующих чувств. Интересно, подумал я, почему же она тогда так туда стремится? Ведь посещение этой школы явно не вызывает у нее ни малейшего восторга?

«По-моему, это никуда не годная идея, – попытался возразить я. – Давай лучше поступим в соответствии с планом А».

– Никакого плана А! Сегодня я должна быть в школе и точка.

Но, покопавшись в мыслях Попрыгуньи, я почувствовал, что к этому вопросу у нее все же весьма двойственное отношение. С одной стороны, она явно испытывала страх перед руководством школы – что, разумеется, никоим образом не могло быть связано с моим на нее влиянием, – а с другой стороны, она все сильнее боялась, что я неким образом могу обнаружить себя в присутствии тех людей, которые, безусловно, имели для нее значение и могли бы осудить ее за то, что она позволила мне остаться. Особенно важным, похоже, было для нее мнение ровесников и в первую очередь некой особы по имени Стелла. Это имя, как мне показалось, вызывало у моей хозяйки одновременно и восхищение, и злобу. Но больше всего места в разделе ШКОЛА занимало непонятное действо, именуемое ЭКЗАМЕНЫ, – и это, похоже, было для Попрыгуньи важнее даже мнения о ней пресловутой Стеллы.

– Что такое ЭКЗАМЕНЫ? – спросил я.

Попрыгунья, зарывав от бессильной злобы, швырнула телефон на пол и в ярости воскликнула:

– Ну почему ты все еще здесь?! Почему ты не можешь оказаться самым обыкновенным сном? – Затем она нырнула в кучу барахла, пытаясь выудить оттуда брошенный телефон, и я, оглядевшись, заметил, что большая часть ее комнаты заставлена предметами, чем-то родственными этому телефону, хотя природа всех этих вещей была мне абсолютно не знакома. Впрочем, я уже догадывался, что все они действуют с помощью определенного набора неких колдовских заклинаний. Телефон, правда, имел для моей хозяйки первостепенное значение; возможно потому, что в нем размещалась та Книга Лиц, что служила как бы связующим звеном со всеми, кто составлял круг ее друзей и знакомых; телефон также содержал разные игры, множество забавных

изображений кошек и даже, насколько я сумел понять, важные сведения о Времени.

– Классный гаджет, – заметил я, воспользовавшись тем словом, которое только что почерпнул в памяти своей хозяйки. (Что было нетрудно, если учесть нашу особую близость и легкость доступа к внутреннему лексикону Попрыгуньи.) – Откуда он? Из царства Порядка или из царства Хаоса?

Для меня этот вопрос, как и многие другие, был совершенно не ясен. Например, настойчивое требование Попрыгуньи привести кухню в порядок предполагало, что здесь все же главенствует Порядок, однако состояние ее спальни, и особенно захламленного пола, вряд ли, честно говоря, способно было навести меня на воспоминания об украшенном цветами будуаре Идунн. И потом, эти ужасные картинки – постеры, как она их называла, – украшавшие стены ее спальни! В основном это были весьма посредственные, я бы даже сказал ублюдочные, портреты Тора. Я, разумеется, прекрасно помнил настоящего Тора: во-первых, он никогда не выглядел таким ухоженным и прилизанным, а во-вторых, он никогда бы не допустил, чтобы его наглухо запаковали в такие ужасные золоченые доспехи; хорошо хоть его знаменитый молот был более-менее узнаваемым. Можете, если угодно, счесть меня тщеславным, но я никак не мог не думать о том, как выглядел бы я сам в этой фантастической изобразительной версии Асгарда.

– А при чем здесь порядок и хаос? – не поняла Попрыгунья, тщетно пытавшаяся с закрытыми глазами натянуть свои одежды.

– Меня интересует, каковы источники твоего могущества, – пояснил я. – Если они связаны с царством Порядка, то твоя спальня явно нуждается в уборке, а если с царством Хаоса, тогда... ну, тогда я спекся.

Я чувствовал, что она силится меня понять и не может.

– Какие еще «источники могущества»? Нет у меня никакого могущества. Мне всего семнадцать, я еще в школе учусь. А в свободное время где-нибудь болтаюсь с друзьями. Я даже телевизионный пульт в лучшем случае раз в день в руки беру. Какое там могущество! О чем ты?

Лгать мне она, разумеется, не могла – ведь я находился непосредственно в ее мысленном пространстве. Нет, она действительно верила в то, что говорит, и все же я, как ни странно, чувствовал в ней некую магическую силу: «огонь в душе», как говорили у нас в былые времена. Огонь, что управляет душами людей, – это совсем иная стихия, чем та, что свойственна моей природе. Иной раз огонь в людских душах горит удивительно ярко, однако сами они своего огня словно не замечают и даже не представляют себе, сколь на самом деле велико их могущество. А ведь это из их снов создана река Сновидений, пересекающая все известные миры! Но люди, похоже, и понятия не имеют, каковы их внутренние силы – те самые, что дали мне возможность не только вырваться из царства Сна, но и украдкой проникнуть в тело моей нынешней хозяйки.

Попрыгунья, должно быть, уловила часть моих размышлений. Во всяком случае, я отчетливо почувствовал, что в ней вновь пробудилось недоверие. Она, видимо, так и не смогла до конца осознать, что я действительно существую, и все еще надеялась, что я – просто «случайный гость», забредший в ее мысли.

Как только она снова открыла глаза, то первым делом подхватила с пола телефон и громко заявила:

– Сейчас пошлю СМС Эвану. И если это все-таки его рук дело – пусть пеняет на себя!

Полная ерунда, конечно. Да и у нее самой явно не было никакой надежды, что Эван окажется все же как-то связанным с этой историей. Но, как я уже говорил, Эван, судя по всему, парень что надо. И потом, чем скорее мне удастся убедить Попрыгунью в том, что я вполне реален, тем скорее я смогу заняться претворением в жизнь собственных планов, а именно: хорошенько исследовать этот мир и получить от него все удовольствия, какие он способен мне предложить.

Я хорошенько осмотрелся. Со стен на меня пялился Тор – или, точнее, та его ипостась, в какой его представляли себе обитатели этого мира, – изображенный в самых различных позах на полудюжине рисунков, постеров и вырезок из журналов.

«Ну почему именно ты, а не он? – снова услышал я мысленный упрек Попрыгуньи. – Почему это должен был оказаться именно ты?»

Я только вздохнул. При столь тесном, даже, я бы сказал, интимном контакте между нами и речи, разумеется, не могло идти о тактичном выборе мыслей или слов.

– Все ясно, – горестным тоном сказал я. – Я тебе совершенно не нравлюсь. Что ж, ты не одинока. Становись членом клуба.

«Дело совсем не в этом, – поспешно запротестовала Попрыгунья, – просто я...»

– Не забывай: я прекрасно знаю, когда ты мне лжешь, – напомнил я.

– Все, я пишу Эвану! Ты не против? А остальное мы позже обсудим.

Я внимательно смотрел, как Попрыгунья пишет на экране телефона какие-то магические заклинания. Правда, отдельные буквы были мне незнакомы, поскольку эта письменность базировалась на новом римском алфавите, но я ведь мог читать ее мысли, так что и перевести написанную фразу мне особого труда не составило:

Встретимся у тебя.

НУЖНО ПОГОВОРИТЬ. Дж.

– А как насчет твоих ЭКЗАМЕНОВ? – спросил я.

– В школу мне так рано не нужно, экзамен по английской литературе только в полдень, – ответила Попрыгунья, натягивая какие-то странные носки до колен, сплошь покрытые изображениями котят. Я вспомнил ее ночную рубашку с невероятным количеством пингвинов и решил, что она, должно быть, очень любит животных, а Попрыгунья продолжала: – В общем, почти до двенадцати я свободна, так что прямо сейчас мы пойдем к Эвану и все обсудим. А потом, кем бы ты, черт побери, ни был, тебе все же придется убраться из моих мозгов!

Глава девятая

К дому Эвана мы пробирались по лабиринту бесконечных улиц и переулков, и все это Попрыгунья именовала просто нашей Деревней. Деревня называлась Молбри – с тем же звуком «о», что и в слове «строберри»[23 - Strawberry (англ.) – земляника, клубника.]. Насколько я понял, Попрыгунья жила там с рождения. Я всего менее суток делил с ней одно мысленное пространство, но уже научился неплохо разбираться в том, что составляло ее сущность, и знания об этом разрастались с удивительной скоростью: употребляемые ею идиомы больше не казались мне странными и чужими, а ее тело я уже знал практически как свое собственное. К тому же, пока мы шли через эту Деревню, у Попрыгуньи на каждом шагу возникали разные воспоминания – их вызывали и потрескавшиеся каменные плиты тротуара, и парк, где была детская площадка с потемневшими от старости лесенками, перекладинами для лазания и качелями; она особенно любила качаться на качелях, когда сзади ее подталкивал отец – все сильнее, сильнее, и она взлетала все выше и выше, и оба они весело смеялись...

«Немедленно прекрати!» – вдруг возмущенно одернула она меня.

– Что? Что я такого сделал?

«Ты снова роешься в моих воспоминаниях! Все это абсолютно личные вещи. Оставь их в покое».

Я мысленно пожал плечами.

– Ладно, если ты так хочешь... – И я предложил ее воображению следующую картинку: я сижу, выпрямившись как штырь, на диване, подушки которого покрыты прозрачной пленкой, и какая-то женщина с волосами, словно вырезанными из одного куска светлого плавника, подает мне бокал с неким напитком и, гневно на меня посматривая, говорит: «Сиди, пожалуйста, тихо и не вздумай разлить сок. И боже тебя упаси что-нибудь трогать или брать в руки...»

– Это же моя тетя Кора! – удивилась Попрыгунья. – Откуда ты только о ней узнал? Мне ведь всего шесть лет было, когда она в Австралию уехала. Я все эти годы о ней даже и не вспоминала.

Я осторожно заметил, что раз уж у нас теперь общее ментальное пространство, то и память ее, разумеется, тоже находится в общем пользовании, а потом прибавил:

– Ты пойми: раз уж так получилось, я просто не могу все время сидеть тихо и ничего не трогать. Я, конечно, всего лишь гость в твоих мыслях, однако и мне прекрасно известно, что находится, например, в буфете. Так что ты лучше постарайся как-то к этому привыкнуть. Я, конечно, не стану вести себя совсем уж по-свински – ну там, класть ноги на стол или еще что-нибудь в этом роде, – но будь я проклят, если каждый раз, как мне захочется выпить стакан воды, я стану спрашивать у тебя позволения!

Я помолчал, давая Попрыгунье время, чтобы как-то все это усвоить. Пауза несколько затянулась, но когда Попрыгунья наконец ответила, тон у нее был почти смиренный.

– Честно говоря, мне бы вообще очень не хотелось, чтобы ты продолжал торчать у меня внутри. А ты не можешь еще куда-нибудь перебраться?

Я не выдержал и рассмеялся. Надо сказать, в ее устах мой смех прозвучал не только странно, но и почти безумно.

– Я бы с радостью, – сказал я, – но сперва нужно найти место, куда я мог бы перебраться. Предпочтительно такое, где мое лишенное плоти «я» не будет подвергаться постоянным пыткам. В том-то и есть главная загвоздка. Так что, дорогая Попрыгунья, кончай эту хренотень и готовься к тому, что нам с тобой еще довольно долго быть накрепко связанными. Боюсь, пока мне не подвернется более подходящее местечко.

Но, увы: она и теперь мне не поверила, это было совершенно ясно, и, мало того, я чувствовал, что где-то глубоко внутри у нее зреет некий коварный план, которым она отнюдь не намерена со мной делиться. По всей видимости, существенной частью этого плана был Эван. Уж это-то я, по крайней мере, понимал, хотя, сколько я ни рылся в памяти Попрыгуньи, лицо этого Эвана было по-прежнему скрыто от меня облачной дымкой. Смешно: я оказался способен в мельчайших деталях разглядеть какую-то тетю Кору, а вот лучший дружок Попрыгуньи так и остался для меня загадкой.

– Я же не могу заглянуть в твои мысли, – сказала Попрыгунья с упреком. – С какой стати я должна позволять тебе заглядывать в мои?

– Поверь, в мои мысли ты и сама заглядывать не захочешь, – заверил ее я. – Тридцать секунд пребывания там, и ты, возможно, попросту лишишься рассудка.

Уж это-то была чистая правда. Кому и знать, как не мне. Ведь мое мысленное пространство было значительно обширнее, чем у Попрыгуньи; там целые отсеки были посвящены пыткам, всеокрушающему гневу, злодеяниям, боли и всевозможным вариантам безумия – что ж, для вас, пожалуй, это и есть истинное воплощение Хаоса, – а также некоторым сложным личным проблемам, связанным с сексом, чувством вины и некоторыми иными чувствами. И я отнюдь не собирался позволить кому-то из племени Людей просто так слоняться среди моих личных демонов – особенно если учесть, что у самой-то Попрыгуньи мысли, как таковые, чаще всего были связаны с такими милыми вещами, как смешные видео из кошачьей жизни, симпатичные носки с пингвинами, смутная ностальгия по детству и т. п. Хотя в ее мыслях, разумеется, присутствовали и Фейсбук, и некий экзистенциальный страх, и мысли о каких-то противных девчонках из ее школы, и острая боязнь публичного мнения, и вызванная этой боязнью любовь к бесконечным и никому не нужным компендиумам по физическому самосовершенствованию, а также целая куча всевозможных беспочвенных угрызений совести насчет своего «чрезмерного» аппетита. И я, конечно, тут же вспомнил о том, что...

– Нам давно пора бы позавтракать!

– Я никогда не завтракаю, – моментально заявила она.

– Ну а я завтракаю!

Навстречу нам попалась какая-то женщина, выгуливавшая собаку. Она как-то очень странно на нас посмотрела. И ее собака, пожалуй, тоже. Попрыгунья, естественно, смутилась, и я догадался, что в Молбри, по всей видимости, весьма неодобрительно относятся к людям, которые сами с собой разговаривают вслух.

«Тебе что, обязательно так делать?» – спросила Попрыгунья, возвращаясь к мысленной, менее публичной форме коммуникации.

– Делать что?

«Да болтать во весь голос, черт побери!»

Я пожал плечами – ее плечами, разумеется, – и это оказалось очень приятно. И я еще разок ими пожал – исключительно удовольствия ради, – а потом пояснил:

– Видишь ли, в последние несколько веков я особой возможности разговаривать не имел, а потому теперь, что вполне естественно, получаю от болтовни истинное удовольствие. – И я послал ей мысленную картинку – это было одно из наименее травмирующих и, к счастью, довольно неясных изображений «зала ожидания» в Черной Крепости Нифльхейма. Это длилось всего мгновение, но я успел почувствовать, какой ее охватил ужас, какое неверие в то, что такое вообще возможно, а также и еще кое-какие чувства, которыми я впоследствии вполне мог воспользоваться. Я даже улыбнулся про себя и сказал:

– Послушай, Попрыгунья, ты ведь тоже можешь читать мои мысли, если захочешь. И, разумеется, если я сам этого захочу.

«Нет, я не захочу! Ни за что! Никогда!»

– Ну, это мы еще посмотрим, – возразил я.

И остальной путь мы прошли в молчании.

Глава десятая

Дом Эвана представлял собой тускло окрашенную коробку, сделанную из какого-то неизвестного материала под названием бетон. Само здание, правда, было очень высоким, и входить туда пришлось через некий портал (лифт), действующий явно с помощью магии и еще каких-то сложных механизмов, но Попрыгунья ничего этого словно не замечала.

Должен сказать, меня вообще несколько удивляло ее отношение к магии как к чему-то обыденному. А ведь этот мир был буквально соткан из различных

разнонаправленных энергий, таинственной магии и колдовских заклинаний! Однако все ее мысли – по крайней мере в данный момент – были по-прежнему заняты в основном одеждой, школой и различными изображениями животных. По-моему, во всем этом не было ни малейшего смысла. И во мне постепенно начинала крепнуть уверенность, что у нее и нет никаких особых прав на то тело, которое нам с ней с некоторых пор приходится делить; что мне без нее было бы гораздо лучше – ведь тогда это тело оказалось бы в полном моем распоряжении.

Я, наверное, мог бы попытаться и силой его отнять, если бы дело дошло, скажем, до поединков разума, – но пока что я все же нуждался в ней, своей «квартирной хозяйке», хоть временами она, если честно, изрядно меня раздражала. И, вероятно, буду нуждаться в ней до тех пор, пока не научусь обходиться в этом мире без ее помощи. Историю моих многочисленных попыток приспособиться к жизни различных обществ и социальных групп в лучшем случае можно было бы назвать пестрой и далеко не всегда удачной; а уж если бы другие обитатели этого мира узнали о моем незаконном пребывании внутри Попрыгуньи, то мы с ней, вполне возможно, вскоре оказались бы в таком месте, которое, согласно внутреннему лексикону моей хозяйки, именовалось «психушкой», и я, проведя небольшое расследование, убедился, что жизнь там весьма далека от пасторальной.

Я осторожно прикинул, каковы могут быть мои планы на следующий день. Попрыгунья уже в определенной степени научилась читать мои мысли, а мне вовсе не хотелось вызывать в ней излишние подозрения. А потому я старался вести себя тихо и скромно, хотя вопросы так и роились в моем мозгу, и в первую очередь вопрос о том, что представляет собой тот тип, к которому мы сейчас направлялись за консультацией. Попрыгунья, правда, представила мне его мысленный образ, и я пришел к выводу, что характеры у нас с Эваном, пожалуй, весьма схожи. Хоть она и считала его своим закадычным другом, а ее уважение к нему было поистине безграничным, он, похоже, был, как и я, склонен к грубоватым шуткам и розыгрышам. В общем, я прямо-таки нутром чуял, что мы с ним вполне можем оказаться родственными душами. Из-за этих-то моих мыслей мне и пришлось испытать настоящий шок, когда мы наконец вошли в квартиру Эвана (квартира – какое странное слово для помещения, возвышающегося над окрестностями, подобно мосту Биврест!) и я увидел его самого. Передо мной оказался отнюдь не мудрец и не могучий воин, а совсем еще молодой человек, сидевший в каком-то странном металлическом кресле и даже не подумавший встать, когда мы вошли. Он лишь насмешливо посмотрел на нас и спросил:

– Ну, какая еще драма с тобой приключилась?

Я огляделся. По сравнению с домом Попрыгуньи пресловутая квартира имела поистине спартанский вид, хотя стен почти не было видно – они скрывались за бесконечными рядами книг; такого количества книг я ни разу в своей жизни не видел. На письменном столе тоже высились стопки книг. У окна на столике стоял компьютер. Комната и кухня являли собой как бы единое пространство, не разделенное дверями; посреди просторной кухни висела, подобно острову, широкая стойка для подачи пищи и рядом с ней – к моей большой радости – холодильник. Со слов Попрыгуньи я знал, что этот парень живет с матерью, которая работает в местной больнице. Я также заметил некое животное – скорее всего, собаку, – спавшее в корзине. Заметив, что Попрыгунья чем-то отвлеклась, я быстренько прокрался в ее мысли и за запертой дверцей с надписью ЭВАН обнаружил целую серию мысленных образов, которые послужили мне, так сказать, введением в тему: там я увидел этого парня куда более юным, но в том же металлическом кресле, хотя иногда он все же с ним и расставался; с Эваном было также связано очень много ролевых компьютерных игр и отсылок к ним (все это я пометил как нечто весьма скучное и утомительное), а еще – целый клубок различных чувств: любовь, нежная привязанность, откровенное восхищение, переходящее в восторженное преклонение, и некая необъяснимая печаль; кроме того, я мельком заметил несколько грубоватых шуток (одна, насчет утки, пирожков и школьного пожарного шланга, показалась мне очень даже недурственной), но это я отложил на потом; и, разумеется, там было множество всяких обрывочных воспоминаний, сценок из прошлой жизни, многие из которых, кстати, были странным образом связаны с той загадочной песенкой про «кита, который по берегу бежит», оказавшей, похоже, столь сильное воздействие на Попрыгунью.

Больше там, пожалуй, ничего интересного для меня не было, и я переключился на окружающую меня реальную действительность. Несмотря на попытки Попрыгуньи отклонить тему завтрака, эта тема все же превалировала в моем сознании, и я не сомневался, что у Эвана непременно найдется чем перекусить. Я осторожно обогнул его кресло и двинулся к холодильнику. По дороге я машинально выглянул в окно, и у меня просто мурашки по телу поползли (видите, я уже начал воспринимать физическое тело Попрыгуньи как свое собственное), и я сильно вздрогнул, словно прикоснувшись к оголенному электрическому проводу.

Собственно, за окном был всего лишь холм. Вроде бы самый обыкновенный. На вершине этого холма виднелась приземистая каменная башня квадратного сечения, и от нее во все стороны тянулись вниз зеленые склоны, а вдали, на самом горизонте, я едва различал в тумане горную гряду с семью остроконечными вершинами. Вид, в общем, самый заурядный. Но меня и впрямь словно током ударило – столь острым было это ощущение узнавания, пронизавшее все мое тело до самых ботинок. Я был совершенно уверен, что не раз видел все это и раньше. Возможно, во сне. Но, безусловно, видел, и не раз – в этом никаких сомнений быть не могло.

– Что это там? – невольно спросил я вслух.

Попрыгунья, разумеется, тут же отреагировала, мысленно приказав мне: «Заткнись, пожалуйста, будь так добр. Можно подумать, ты никогда в жизни холмов не видел!»

Но Эван, моментально подъехав на своем кресле к окну, поинтересовался:

– Что именно?

– Ничего, – быстро ответила ему Попрыгунья. – Я просто...

– Как, кстати, насчет завтрака? – поспешно перехватил я инициативу, прежде чем Попрыгунья успела меня остановить. – Я просто умираю от голода...

Эван удивленно поднял брови.

– Правда? Ну, можно сделать тосты...

– Да-да, тосты! – подхватил я, не обращая внимания на Попрыгунью, которая предпринимала слабые попытки возразить. – Тосты и... сыр, и шоколад. А вот йогурт можешь на стол даже не ставить. От этой дряни меня просто тошнит.

Эван рассмеялся.

– Что-то ты сегодня странная. Да и ладно. Будь моей гостьей, черт побери! – И он подкатил кресло к холодильнику. Только теперь я обратил внимание на его

глаза: с ними творилось что-то непонятное – они то ли неспособны были толком сфокусироваться, то ли попросту смотрели в разные стороны.

«Прекрати на него пялиться, – мысленно велела мне Попрыгунья. – Ничего особенного, просто у Эвана один глаз стеклянный. И не вздумай что-нибудь спросить у него про инвалидное кресло, понял? У него сегодня, должно быть, очень плохой день».

Плохой день? Видимо, это как-то соотносилось с их общим прошлым. Но в данный момент знать об этом мне было вовсе не обязательно. Хотя, если б я захотел, Попрыгунья очень быстро заполнила бы этот пробел в моих знаниях. А так я просто пожал плечами и принялся исследовать содержимое холодильника. Кое-какие продукты я уже узнавал, но было там и кое-что незнакомое. Эван с насмешливой улыбкой наблюдал за мной со своего кресла.

– Может, ты все-таки встанешь? – обратился я к нему, набив рот холодным яблочным пирогом.

Попрыгунья, страшно возмущенная, устроила настоящую бурю в нашем общем мысленном пространстве, однако я так и не понял, было ли ее возмущение связано с моим невинным вопросом или же она рассердилась на то, что я без спроса схватил и съел кусок пирога.

Эван опять усмехнулся и спросил:

– Ладно, говори, кто ты, черт побери, такой! И что ты сотворил с настоящей Попрыгуньей?

Глава одиннадцатая

Хвала богам! Он что-то понимает! А то мне уж стало казаться, что нечего и надеяться, будто люди способны достаточно ясно просечь сложившуюся ситуацию. И ведь оказалось, что не зря Попрыгунья питает к Эвану такое уважение, граничащее, я бы сказал, почти с поклонением. Теперь и мне было ясно, что Эван действительно очень умен – возможно, почти так же, как я.

Я посмотрел на него. Он ухмылялся.

– Да, я тот самый Трикстер Локи, – честно признался я. – Сын великана Фарбаути и Лаувей. Тебе, вероятно, кое-что обо мне известно из старинных преданий, сказок или таких компьютерных игр, как «Asgard!».

Эван, продолжая улыбаться, подбодрил меня:

– Ну-ну, дальше.

– Мне удалось проникнуть в телесное «я» той, кого ты называешь Попрыгуньей, благодаря одному из притоков реки Сновидений. И в итоге мы с ней теперь делим общее физическое тело и общее мысленное пространство, хоть наши мысли и существуют независимо друг от друга. Тебе также, видимо, следует знать, что я поклялся освободить моих товарищей и избавить их от тех пыток, которым они в настоящее время подвергаются, после чего мы устроим в Валхалле пир на весь мир. И это несомненно! – Последнее я прибавил для придания моей краткой речи большей весомости, а еще потому, что Попрыгунья была уверена, что примерно так и должны вещать настоящие боги Асгарда.

Эван рассмеялся.

– Звучит здорово! Отличная идея для игры, – сказал он. – Итак, где здесь ключевая фраза?

– Что-что?

«Он тебе не верит, тупица, – сказала Попрыгунья. – И это несомненно!»

– Но, по-моему, тебе нравилось, когда так выражаются? – удивился я.

«Нравилось? Мне? Ты что, спятил?»

– Значит, он на самом деле мне не поверил?

«Естественно, он тебе не поверил! – пожала плечами Попрыгунья. – Ты рассказал ему какую-то сказку о том, что мной, его лучшим другом, завладело допотопное

скандинавское божество, и теперь надеешься, что он радостно воскликнет: «О да, это несомненно! Давай же войдем в царство Смерти и освободим наших сородичей»?»

Ну, если честно, как раз на это я и рассчитывал. Так что, признаюсь, был несколько разочарован.

А Эван, явно все еще чего-то от меня ожидая и выказывая большую заинтересованность, заявил:

- Очень хорошая игра! Можно я буду Тором?

- Мне бы очень этого не хотелось! - с нажимом возразил я, и Попрыгунья тут же поспешила вмешаться, вновь перехватив контроль над нашим общим голосом, что ей удалось только потому, что я на минуту отвлекся, изучая содержимое холодильника:

- Ох, погоди, ради бога! Давай я все тебе хорошенько объясню.

В общем, она тут же принялась рассказывать, делая вид, что совершенно не голодна, хотя физические потребности нашего общего тела в пище удовлетворить все-таки требовалось; мне, например, было явно маловато того куска яблочного пирога, который я уже слопал, и хотелось хоть чем-то дополнить столь легковесный завтрак. В холодильнике я обнаружил еще какой-то холодный пирог, который Попрыгунья назвала пиццей, но по ее тону я сразу догадался, что уж эту-то пиццу ей точно запрещено даже в рот брать. Именно поэтому я моментально откусил кусок, и оказалось, что вкус у пиццы просто замечательный.

Кстати, и собака, все это время притворявшаяся крепко спящей, тут же заинтересовалась и подошла ко мне в надежде получить подачку. С виду это была самая глупая собачонка из всех, какие мне доводилось видеть: белая, кудлатая и с таким длиннющим языком, что, казалось, он и до Нифльхейма дотянется. Я бросил ей кусочек корочки, который она с удовольствием проглотила, и наконец решил прислушаться к тому, что там рассказывает Эвану Попрыгунья.

– В общем, – жалобным тоном говорила она, – либо я окончательно спятила, а значит, жизнь моя кончена, либо это твоих рук дело. Признайся, ты вчера ничего такого в мой стакан не подливал? Ну, я не знаю, кислоты там или еще чего? Может, я тогда все-таки с ума не сойду? Только, пожалуйста, пожалуйста, признайся прямо сейчас, потому что это для меня очень важно и вовсе не смешно!

Ого, ничего себе! Она еще и ревет!

Попрыгунья говорила с такой лихорадочной поспешностью, что я едва успевал проглатывать куски пиццы. Пришлось сделать ей замечание:

– Говори, пожалуйста, помедленней. Я вообще-то ем.

– Отзынь! Чтоб тебе провалиться! – рявкнула Попрыгунья и выплюнула мою пиццу прямо на пол. Собака, разумеется, тут же все с удовольствием подчистила.

Возникла недолгая пауза. Затем Эван сказал:

– О'кей. Сядь. Перестань кричать. И отойди, наконец, от холодильника и от этой гребаной пиццы.

Его голос звучал настолько спокойно, что я послушался и отошел. И потом, довольно трудно наслаждаться едой, если в твоём внутреннем жизненном пространстве практически устраивают мятеж. Попрыгунья полностью доверяла Эвану, хотя отлично знала, что такого доверия он не заслуживает. Она доверяла ему где-то на уровне подсознания. Я отчетливо читал это в ее мыслях. И вспоминал, между прочим, что и сам некогда примерно так же относился к одному знаменитому богу. Братья по крови[24 - Е. Мелетинский считает, что мифологический трикстер Локи – это двойник Одина, отрицательный культурный герой с отчетливой хтонически-шаманской окраской. Создавая миры, они очень многое делают вместе, в том числе и оживляют первых людей.]: горошины из одного стручка; спиной к спине против всех Миров. Разумеется, ничем хорошим наши с Одином отношения закончиться не могли (как, впрочем, и со всеми асами). Что ж, такова жизнь. Как это ни странно.

– Хорошо, – сказал Эван, когда мы с Попрыгуньей наконец спокойно уселись с ним рядом. Его металлическое кресло негромко поскрипывало, когда он, чуть покачиваясь, слушал жалобный рассказ Попрыгуньи. – А теперь давай все снова, с самого начала и без истерики.

– Я играла в «Asgard!»... – снова тоненьким дрожащим голосом затянула Попрыгунья. Эван быстро на нее глянул, она кивнула и заторопилась: – Ладно, ладно. Я все понимаю. Надо было подождать тебя, ты собирался объяснить мне, как в нее играть. Но мне стало ужасно скучно, а на мои СМС ты не отвечал, вот я и решила попробовать самостоятельно пройти пару уровней. Мне и в голову не приходило, что игра способна кому-то причинить вред. А потом этот вдруг оказался у меня в голове... Говорил со мной. Ел за двоих. Копался в моих воспоминаниях... – Она в полном отчаянии умолкла и посмотрела на Эвана. Тот слушал ее очень внимательно. Он даже немного наклонился вперед, явно заинтересованный случившимся. – Нет, скажи честно, – снова завела свою шарманку Попрыгунья, – ты действительно чего-то плеснул мне в стакан? Пожалуйста, скажи. Честное слово, я не буду злиться. Я пойму. Просто мне ужасно не хочется, чтобы все это происходило на самом деле!

«Погоди-ка, – остановил ее я, – так он действительно предупреждал тебя, что нечто подобное может случиться?»

«Нет, ну не то чтобы предупреждал... – пролепетала Попрыгунья. – Но...»

Эван еще больше наклонился вперед, словно пытаюсь расслышать мой голос.

– Локи что-то тебе сказал? – спросил он. – Что именно?

– Ну да, он вообще все время со мной разговаривает! – все тем же жалобным тоном ответила Попрыгунья и, взяв с дивана подушку, обняла ее и крепко прижала к груди. – Я пробовала не обращать на него внимания, но ты просто не представляешь себе, какой это кошмар! Это же просто...

Тут я не выдержал и, перебив ее, заговорил в полный голос:

– Ох, только, пожалуйста, не изображай из себя жертву! Вспомни, жертва здесь я. И в Пророчестве Оракула об этом сказано в высшей степени определенно:

Я вижу пленника в подземном царстве,

Кишками сына Нари он опутан,

И схож с зловещим Локи он обличьем.

- Вот настоящая трагедия! - провозгласил я, воздевая руки к небесам.

Эван улыбнулся.

- А у тебя здорово получается. - Его неподвижный стеклянный глаз словно следил за мной, а второй, живой, горел синим огнем.

Попрыгунья снова заплакала.

- Да он настоящий, он точно не глюк. Клянусь! - И я уловил некое промелькнувшее в ее мыслях воспоминание - что-то из детства, связанное со школой, кажущееся совсем чепуховым по сравнению с теми страхом и отвращением, которые сейчас ею владели. А Эван, похоже, любит всякие шутки и розыгрыши, подумал я, и, вполне возможно, они с Попрыгуньей когда-то угодили из-за этого в весьма неприятную историю, и она тогда так сильно на него рассердилась, что ей до сих пор хочется как-нибудь ему отплатить.

А Эван с явным интересом посмотрел на нее и спросил:

- Он что, все время у тебя внутри? И каково ощущение? Это что же, в один миг произошло или постепенно?

Попрыгунья хлюпнула носом.

- Сперва я даже решила, что это, в общем, классно. Но только потому, что я не верила, что он настоящий. Мне казалось, это какая-то игра. А это была реальная действительность, и он на самом деле там, во мне, и я хочу, чтобы все это прекратилось и он оттуда убрался...

- Помолчи минутку, пожалуйста, - попросил я вслух. От ее слов мне реально становилось не по себе. И потом, мне было просто обидно - словно мало я испытал, когда меня приговорили к вечному заточению в Нифльхейме, а я

ухитрился не только улизнуть оттуда, но и найти способ проникнуть в подходящее человеческое тело! И вот теперь хозяйка этого тела воспринимает меня как самого обыкновенного захватчика!

«Но ведь ты и есть самый обыкновенный захватчик! – мысленно взывала Попрыгунья. – И это моя голова и мои мысли, а вовсе не твои!»

Что ж, у нее были все основания так говорить. И все же ее реакция показалась мне излишне яростной.

– Вот так всегда, – с горечью заметил я. – Никто и никогда не хотел дать мне хотя бы один шанс. Ни в Асгарде, ни в царстве Сна, ни в Средних Мирах. Ну скажи: что плохого я тебе сделал? Ничего. Я не причинил тебе ни малейшего зла, хотя мог бы запросто свести тебя с ума и навсегда завладеть и твоим телом, и твоими мыслями. Но я этого не сделал, ибо считал, что поступить так было бы неправильно.

– Однако ты все же об этом подумывал! – запальчиво возразила Попрыгунья.

– Ну и что? Да пристрелите меня, но думать – это отнюдь не преступление.

И я повернулся к Эвану, который по-прежнему смотрел на нас во все глаза. Даже, пожалуй, с восхищением смотрел. А кудлатая белая собачонка снова заскулила, надеясь, видимо, получить от меня еще кусочек пиццы.

– Вот ты, судя по всему, человек разумный, так скажи: разве был у меня выбор? – спросил я у Эвана. – Естественно, увидев спасительный линь, я за него ухватился! И, честно говоря, если б у меня действительно был выбор, я бы точно не выбрал тело какой-то тощей девчонки, у которой, черт побери, совершенно идиотское, извращенное отношение к еде!

Я понимал, что пользуюсь в основном словарным запасом самой Попрыгуньи, а потому значение многих произносимых мною слов доходило до меня как бы с некоторым опозданием и сопровождалось с ее стороны взрывами самых разнообразных чувств и воспоминаний: передо мной то возникали какие-то образы из ее детства, то картинки из модных журналов, то рецепты травяных чаев, которыми увлекалась ее мать, то какие-то непонятные цифры на весах в ванной комнате... Затем снова появилась эта противная Стелла и зазвучала

дурацкая песенка про загадочного сухопутного кита, который «по берегу бежит»; судя по всему, эта песенка вспоминалась Попрыгунье каждый раз, как у нее портилось настроение...

– Прости, пожалуйста, – поспешил извиниться я. (И откуда только взялась у меня эта привычка без конца извиняться?) – Я не хотел тебя обидеть.

«Теперь ты еще и извиняешься? – возмутилась Попрыгунья. – А как насчет того, чтобы попросту отсюда убраться?»

Я вздохнул и опять повернулся к Эвану:

– Нет, ты видишь? Что бы я ни сделал, все всегда кончается именно так. Уберите отсюда Локи. Он не нашего поля ягода. Он вообще к нашему кругу не принадлежит. И потом, он же фрик, урод, ему и верить-то ни в коем случае нельзя. Что? Кто-то умер? Естественно, виноват проклятый фрик Локи. Его надо запереть в самом темном донжоне, да еще и повесить у него над головой здоровенную ядовитую змею!

– Для подобного наказания имелись причины[25 - Намек на то, что именно Локи вложил в руки слепого бога Хёда заостренный побег ядовитой омелы и уговорил его выстрелить в Бальдра, его родного брата, который тут же умер, после чего боги и подвергли Локи описанному выше наказанию.], – возразил Эван.

Ну да. Причины, конечно, имелись. Но, пристрелите меня, сейчас дискутировать на эту тему я был совершенно не готов. И потом, Эван наверняка знает подробности гибели Бальдра исключительно со слов Одина.

– Неважно, все это давно уже в прошлом, – сказал я. – Ведь жизнь, по-моему, не стоит на месте?

Эван рассмеялся, и в его смехе мне явственно послышалось нечто весьма знакомое, только я никак не мог определить, в чем тут дело. Это явно было как-то связано с моим прошлым. С некими событиями из совсем другой жизни...

Я пролистал Книгу Лиц, хранившуюся в памяти Попрыгуньи. Значит, так: Эван. Ее лучший друг с раннего детства. Гениально играет в разные ролевые игры.

Любимый цвет – густо-красный, цвет крови. Любимый мультфильм – «Тампопо». Любимый роман – «Les Misérables»[26 - «Отверженные», роман Виктора Гюго.]. Любимое блюдо – пицца-чили с ананасом и большим количеством перца халапенья.

Да, не очень-то много, хотя информация о пицце мне понравилась. Я придвинулся чуть ближе к Эвану, чтобы получше его рассмотреть. На мой взгляд, самый заурядный парень, если не считать этого металлического кресла. Каштановые волосы; безбородый; лицо умное, открытое; явно присутствует чувство юмора. Словом, знакомого в его облике не было ровным счетом ничего. Разве что меня немного смущал тот синий огонь, что пылал в его здоровом глазу. А еще меня преследовало ощущение, что я откуда-то его знаю. Что я всегда его знал...

– Лучше бы все же ты не оказался тем, о ком я подумал, – в задумчивости промолвил я.

А он усмехнулся и сказал:

– Ну, мой дорогой, я разочарован. Я надеялся, что после всего того, через что нам пришлось вместе пройти, ты сразу меня узнаешь, Капитан.

Я так и сел, причем довольно неудачно – на ребро жесткого винилового кухонного табурета. Да уж, надо было, конечно, сразу догадаться! Надо было сразу – упрекал я себя – узнать его хотя бы по этой улыбке, которая столь редко освещала его лицо в Асгарде, и по этому смеху, который там звучал еще реже, частенько предвещая к тому же разные неприятности. И я, разумеется, должен был узнать его по этому горящему синему глазу, смотревшему так остро, что, казалось, его взгляд пронзает меня насквозь. Да, это он дал мне прозвище Капитан. Больше никто и никогда так меня не называл. Никто со времен Конца Света. Вот почему у меня не оставалось ни малейших сомнений...

...что в теле Эвана поселился Один!

Свет

Абсолют служит лишь для подтверждения

реальности его антитезы.

В тот самый миг, когда ваш Бог сказал:

«Да будет свет», Он и создал тьму.

Локабренна, 9:18

Глава первая

Я не выдержал и расхохотался. Великие боги! Неужели и Один, властелин Асгарда, наш Генерал, Создатель Девяти Миров, Повелитель Рун, Летописец древности, оказался в столь унижительном положении, что был вынужден занять тело какого-то убогого юнца, представителя племени Людей, который, судя по всему, даже нормально ходить не может?..

– На самом деле ходить я как раз могу, – возразил Эван, – но только когда у меня «хорошие дни». – И он принялся с совершенно излишними подробностями объяснять мне, каково в данный момент его физическое состояние, и что для него «хорошие» или «плохие» дни, и в чем суть его лечения, и до чего мучительна эта непреходящая боль в суставах... Слушая его, я судорожно рылся в памяти Попрыгуньи, пытаюсь отыскать некую точку отсчета в ее дружбе с Эваном.

Но Попрыгунья вместе со своими воспоминаниями ухитрилась забиться в самый дальний уголок своего ментального пространства и, свернувшись там клубком, без конца повторяла: «Все равно этого быть не может!» и «Да пошли вы все на фиг!». К сожалению, ни одна из этих фраз никак не могла мне помочь в нынешнем, весьма затруднительном положении.

– И давно ты в этом мире? – наконец спросил я.

– Достаточно давно, – сказал Один.

– А как ты сюда попал?

Он пожал плечами.

– По-моему, примерно так же, как и ты. По реке Сновидений, которая, как известно, пересекает все миры – и существующие, и существовавшие, и те, что еще только могут когда-нибудь возникнуть. – И Один так ласково мне улыбнулся, словно был мне любящим братом или закадычным другом. – Величайшие умы этого мира воспринимают реальность как некое древо с роскошной кроной, в ветвях которого содержатся сведения обо всех возможных результатах любого из возможных деяний. Не правда ли, весьма похоже на наши представления о мире?

– Это же Иггдрасиль! – воскликнул я. Ну да, это был самый настоящий Иггдрасиль, Мировое Древо, к ветвям которого – согласно древним преданиям – подвешены все Девять Миров.

Генерал улыбнулся.

– Быстро соображаешь. На первый взгляд здешний мир может показаться весьма отличным от того, который мы покинули, однако у них много общего. Недаром даже здешние названия наук подозрительно созвучны с рунической терминологией асов. И вообще, в обоих этих мирах очень многое пересекается, а немалое количество элементов и вовсе являются общими. – Один широким жестом повел рукой, как бы охватывая весь Молбри. – Возьми хоть этот городок. Согласно теории множественности миров, непременно должна существовать некая версия и самого этого городка, и его обитателей в любом количестве альтернативных миров. Возможно, и в нашем с тобой прежнем мире она существует.

– Хм... – Что ж, это, по крайней мере, звучало ничуть не менее правдоподобно, чем та теория создания мира, которую меня когда-то заставили усвоить (она, если не вдаваться в ненужные подробности, состояла в том, что весь процесс Созидания происходил благодаря некой гигантской корове[27 - Согласно этой теории, мир был создан из тела антропоморфного существа Имира (слово «ymir» означает «двойной»), который возник из растаявшего инея вместе с коровой Аудумлой, выкормившей Имира своим молоком; затем под мышками у Имира родились мальчик и девочка, а его ноги «породили» сына, и эти первые люди

оказались великанами «из мороза и инея».)].

– Мало того, – продолжал Один, рассеянно глядя лохматого белого пса, так и льнувшего к его ногам, – согласно еще одной теории – она здесь именуется «квантовой» и в том числе включает некое условное понятие «кошка в коробке»[28 - Один имеет в виду понятие «кот Шрёдингера» – мысленный эксперимент, предложенный австрийским физиком-теоретиком и одним из создателей квантовой механики Эрвином Шрёдингером, 1887–1961, Нобелевская премия 1933.], которая одновременно и жива, и мертва, – наши боги и сейчас вполне могут быть как живыми, так и мертвыми. Эван обладает достаточными знаниями в подобных областях и поделился этими знаниями со мной.

– А мне кажется, – возразил я, – что здешняя наука – это самая большая свалка всевозможной информации, о какой мне довелось слышать с тех пор, как Мимир Мудрый, лишившись своего тела, вернулся в Асгард из Ванахейма[29 - Когда асы послали великана Мимира шпионить в лагерь ванов, более древнего племени, владеющего рунами, ваны в итоге отрубили Мимиру голову и послали ее назад, асам, а Один, сохранив эту голову с помощью колдовства, спрятал ее в источнике Мудрости у корней ясеня Иггдрасиля и постоянно пользовался ее советами. Мимир прячет в этом источнике глаз Одина, который похитил у него, дав ему напиток.].

Один улыбнулся. Когда-то мы прозвали его Молчаливым, но сегодня он был прямо-таки невероятно разговорчив – я, во всяком случае, никогда его таким не видел с тех пор, как он вытащил меня из царства Хаоса. Наверное, думал я, на нем сказало длительное пребывание в Нифльхейме, где он вновь открыл для себя такое удовольствие, как умная беседа.

– Нам, собственно, нужно понимать одно, – сказал он. – То, что миры существенно расширились, а в связи с этим возникли такие возможности, каких мы никогда даже и не предполагали.

– Например?

– Например, возможность вернуться в наш мир. И восстановить свой божественный статус. И отыскать друзей и соратников.

Я не выдержал и рассмеялся ему в лицо.

- Наших друзей? Погоди минутку, а это не те ли самые ребята, что прирезали моих сыновей, затем устроили на меня загонную охоту, а потом бросили в темницу?

- Прошлые обиды, - пожал плечами Один. - Ты дал клятву.

Я немного подумал и спросил:

- Но если - по определению - каждая из бесчисленных ветвей Мирового Древа являет собой по сути один из множества возможных исходов одного и того же деяния, тогда и данная конкретная реальность вполне может оказаться такой, где я имею полное право преспокойно нарушить свою клятву и продолжать жить дальше, богатый и счастливый, где-нибудь на тропическом острове?

Один покачал головой.

- Нет.

- Почему ты так уверен?

- Потому что у меня имеется план.

Ну естественно! Когда это у нашего Генерала не имелось плана?

- И, осмелюсь предположить, согласно твоему плану, мы продолжаем счастливо существовать в нашем нынешнем обличье, никуда не сходя с избранного пути, дабы не встретиться, скажем, с гигантскими змеями, или с повелителем Хаоса, или еще с чем-либо столь же ужасным, способным легко нарушить равновесие, установившееся в нашей жизни?

- Да, но не совсем, - уклончиво ответил Один.

- Вот как? И что же с нами случится?

- Мы умрем. А может, и не умрем.

– Ну прямо гора с плеч, – язвительно заметил я.

Он только усмехнулся. Даже при полностью изменившемся обличье[30 - Одину вообще свойственно часто менять обличье, о чем свидетельствуют и его разнообразные прозвища: Хаар («высокий»), Игг («страшный»), Гримнир («скрывающийся под маской»), Харбард («седая борода»), но при нем всегда его хтонические слуги – вороны, волки и восьминогий конь Слейпнир, способный странствовать меж мирами. Один одноглаз (а, согласно некоторым мифам, иногда и слеп), ходит в синем плаще и надвинутой на лоб широкополой шляпе; живет он вместе со своей дружиной в чертогах мертвых, Вальхалле.] усмешка его осталась узнаваемой; я бы, во всяком случае, сразу ее узнал где угодно. Такая усмешка обычно появлялась на лице нашего Генерала, когда в карманах у него было пусто, – это была усмешка азартного игрока, который намерен поставить на кон свою последнюю монету.

– Представь себе, что этот мир и твое временное тело, – сказал он, – это и есть та коробка, в которой влачит свое жалкое существование упомянутая кошка, которая еще не совсем мертва, но уже и не совсем жива. Если план сработает, эта кошка выберется из коробки на волю и останется жива. А мы получим возможность все начать сначала.

– А если она, эта кошка, уже умерла? – спросил я. Честно говоря, вся эта чушь насчет полумертвых кошек начинала действовать мне на нервы.

Один – или, может, Эван? – пожал плечами.

– Ну, умерла так умерла. В любом случае она не может вечно оставаться в коробке. Да и мы с тобой никогда не были предназначены для жизни в столь тесном пространстве.

Я задумался. В рассуждениях Одина явно был смысл. Жизнь без страданий – новшество весьма приятное, однако эта новизна вскоре померкнет. И, как я уже догадывался, мне будет не хватать тех вещей, благодаря которым я и стал Локи – моего прежнего обличья, моей магической силы, моих рун, моих заклинаний. И потом, долго ли проживет Попрыгунья? Ну лет пятьдесят. Ну от силы семьдесят. А мне-то что тогда делать? Куда деваться? Вернуться в Нифльхейм? Или в Хель, где я могу хоть целую вечность провести? Нет, мне требовалось нечто большее. И куда более постоянное.

– И ты полагаешь, что мы сможем вернуться домой? – снова спросил я. – Неужели такое возможно?

Он снова пожал плечами.

– Думаю, да. Мне кажется, мы даже сможем вернуться именно в то место, где некогда высился наш ныне разрушенный Асгард. Так сказать, к истокам могущества асов. – Он помолчал, явно давая мне время, чтобы я смог хорошенько проглотить наживку, – я прямо-таки видел эти «рыболовные крючки» с сочной наживкой, они торчали буквально из каждого утверждения Одина, и все же я не устоял: наживка оказалась слишком соблазнительной.

Восстановить заново наш мир! Расставить всех по местам, точно фигуры на шахматной доске... Заново отстроить Асгард... Освободить богов; начать жизнь сначала, начисто забыв о прошлом и следуя отныне только новому сценарию...

– Ну что, Капитан, ты в моей команде? – помолчав, спросил Один.

Я пожал плечами.

– Пожалуй, да.

– А как себя чувствует твое запястье?

– Мое запястье? – удивился я. – При чем здесь мое запястье?

– Просто мы собираемся участвовать в игре «Asgard!», – сказал Один, сверкнув улыбкой, – и на этот раз доведем игру до конца. То есть до того момента, когда здесь во плоти появится и мой сын.

Глава вторая

«Мой сын»? Ну разумеется, он имел в виду Тора! И я сразу почувствовал, какой интерес вспыхнул в душе Попрыгуньи. Она, естественно, не пожалеет сил, чтобы

помочь нашему Красавцу. Странно, что она вообще ухитрилась как-то с моим присутствием смириться.

– Но ведь Тор в этой игре не настоящий, – попытался возразить я. – И вообще не живой. Это всего лишь некая конструкция, состоящая из множества пикселей и мимолетных фантазий.

Один покачал головой.

– Ты не совсем прав. Сядь, успокойся и попробуй сосредоточиться. Обещаю, вскоре тебе все станет ясно.

Я пожал плечами и сел, уставившись на темный экран той штуковины, которую Попрыгунья мысленно именовала монитором. А Один – или Эван? – вручил мне некий черный предмет («Это игровая панель», – пояснила Попрыгунья), на котором были высечены незнакомые руны.

Собака, высунув язык до полу, торчала рядом и с надеждой на меня посматривала.

– Ну и как в это играют? – спросил я.

– А ты и не будешь играть. Играть будем мы, – сказал Эван, и, судя по выражению его лица, в котором явственно чувствовалось то ли присутствие, то ли, наоборот, отсутствие чего-то, я понял, что разговариваю с настоящим хозяином этого тела, а не с его «жильцом», мошенническим образом туда пробравшимся. А он, обращаясь к Попрыгунье, прибавил: – Игра будет довольно сложной, так что тебе придется полностью мне довериться. Согласна?

Она лишь молча помотала головой. Но я-то мог читать ее мысли, и там, в глубине, среди смятения, гнева и всевозможных подозрений, по-прежнему теплилась ее непреходящая вера в Эвана, – вот и я точно так же когда-то верил в Одина, даже когда он, ублюдок чертов, уже замыслил предать меня врагам.

В голосе Эвана послышалась настойчивость:

– Попрыгунья, скажи: ты действительно считаешь, что я способен хоть чем-то тебе навредить?

Она снова энергично помотала головой.

– Клянусь, у нас все получится, – сказал он. – И никаких фокусов, никакого обмана и прочего дерьма. Обещаю.

О, если б я получал по золотому кольцу каждый раз, когда Один обещал мне нечто подобное! Да у меня теперь было бы столько золота, что я мог бы и с самим карликом Драупниром посоревноваться! Попрыгунья, может, и поверила словам Эвана, но ведь я-то знал, что под обличем этого юноши по-прежнему скрывается Один, двуличный, двоедушный Один, каким он не раз бывал когда-то. А со мной можно только так: обманешь меня один раз – и пусть тебе будет стыдно. Но уж если ты и во второй раз меня обманешь, тогда берегись: я способен голыми руками вырвать из твоего тела позвоночник и прыгать через него, как через скакалку.

– Прошу прощения, – вмешался я, – но нельзя ли узнать, моя-то роль во всем этом какова?

И Эван – или Один? – пристально глядя мне в глаза, сказал:

– Ты же ухитрился как-то попасть в игру «Asgard!», так вот, мне бы очень хотелось узнать, как тебе это удалось.

– Я заключил временный союз.

– С кем?

И я вкратце рассказал, как Йормунганд, проломив стены Черной Крепости, вместе со мной вырвался на свободу. Однако же я благоразумно умолчал о том, что в настоящее время Мировой Змей затерялся где-то на просторах этого электронного Асгарда.

Один – или Эван? – внимательно меня выслушал, и я заметил, что в глазах его светится, пожалуй, искреннее восхищение. Лохматый белый пес сидел,

прижавшись к его ногам, и выжидающе потряхивал вываленным языком.

– Попрыгунье удалось вытащить тебя из игры только потому, – сказал Один, – что ты как-то сумел проникнуть в ее мысленное пространство. А теперь ты вернешься в игру и постарайся установить точно такую же связь с Громовником.

– С Тором? С этой Чугунной Башкой? Ни за что! – запротестовал я. – Ты что, забыл, сколь «дружески» мы с ним расстались? И ты хочешь, чтоб я согласился еще и общее пространство с ним делить? Мало того, что я и так вынужден делить и тело, и мысли с их исходной хозяйкой, хоть это и страшно неудобно, но уж делить все это еще и с тем, кто обещал оторвать мне голову и использовать ее в качестве стоппера для дверей, я совсем не намерен!

– Не беспокойся. – Это снова был Один – я легко определил это по характерному блеску его единственного глаза (кстати, когда у него так блестит глаз, это признак в высшей степени ненадежный: он может пообещать все, что угодно, но в конце тебя непременно будет ждать Смерть). – Я ведь уже сказал, Капитан: у меня есть план.

Я только поморщился. У меня вызывало сомнения даже не столько существование этого плана, сколько те бесконечные неудобства и неприятности, с которыми будет связано его воплощение в жизнь. По опыту прошлых лет я знал, как это ужасно – жить вместе с Тором. Он был страшно неряшлив, вечно страдал от избыточного количества газов в кишечнике и явно питал склонность к насилию, особенно в отношении Искренне Вашего. И потом, мне было вполне хорошо и в моем нынешнем обличье. Меня вовсе не привлекала перспектива отказаться от этого – пусть даже на один час! – и вновь нырнуть в электронные глубины игры «Asgard!».

– А что, если я там застряну? Что, если меня убьют? – вяло сопротивлялся я.

– Не сомневаюсь, ты в любом случае найдешь возможность вернуться обратно, – бодро заявил Один. – Ну что, ты готов?

– А тебе как кажется?

– Мне кажется, что сейчас ты скажешь: заставить тебя вновь вернуться в игру «Asgard!» нам будет ничуть не легче, чем заставить змея Йормунганда надеть фрак и котелок и учиться танцевать фанданго.

– Как хорошо ты меня знаешь, брат! – язвительно заметил я.

Он улыбнулся.

– И все же иного пути нет. Для осуществления моего плана необходимо присутствие Громовника.

– Ну так сам за ним и отправляйся, – предложил я. – А я обещаю к твоему возвращению пиццу приготовить.

Один покачал головой.

– Боюсь, что из этого ничего не получится. У Эвана, хозяина моего физического тела, попросту силенок маловато. И присутствие в его ментальном пространстве не одного, а сразу двух чужеродных существ может оказаться для него смертельно опасным. Так что придется все-таки отправить туда Попрыгунью. Но я обещаю вам обоим, – поспешно прибавил Один, поскольку Попрыгунья тут же снова начала протестовать, – что это станет одним из необходимых шагов к нашему освобождению, и мы наконец сможем оставить позаимствованную на время плоть и вернуть себе прежний, истинный облик.

Будь он проклят! Слова истинный облик – это приманка, насаженная на острый рыболовный крючок! Но наш Старик прекрасно знал, что перед подобным искушением мне не устоять. Из рта у меня так и посыпались проклятья на языке Хаоса. Один терпеливо ждал.

– А что, такая возможность действительно существует? – осторожно спросил я.

Он кивнул.

– Да. Клянусь.

Я вздохнул.

– Ладно, я согласен. И давайте поскорее начнем. – Я лишь коснулся игровой панели, а потом позволил Попрыгунье вновь стать полновластной хозяйкой собственного тела. Сам же я постарался как можно скорее достигнуть того странного состояния, более всего похожего на транс или сон, благодаря которому и способен был перенестись в мир игры «Asgard!», переливающийся, как мыльный пузырь.

Несколько секунд мне казалось, что у нас ничего не получится. Потом плоский экран передо мной замерцал, ожил, и как раз в тот момент, когда я уже начал говорить Одину, что ничего не выходит, передо мной вдруг возникли небо Асгарда, мост Биврёст и равнина Идавёлль; потом я ощутил сильное головокружение, словно опять вниз головой падая с Радужного моста... и понял, что расстался с телом Попрыгуньи и стою перед воротами Асгарда в ином, почти узнаваемом обличье.

Послышалась громкая военная музыка, и на небосклоне возникли слова:

А ТЕПЕРЬ ВЫБЕРИ СВОЕГО ГЕРОЯ.

И снова Асгард стал разворачиваться передо мной, подобно гигантскому знамени из царства Сна. Опять загремела музыка, и я прочел:

ТЫ ВЫБРАЛ ТОРА.

Что ж, это вносит дополнительную ясность, подумал я. Ведь если б мне предложили выбирать, кого из богов оживить, уж Тора-то я бы точно не выбрал. И все же с этим выбором придется смириться, если я хочу вновь обрести свое бессмертное обличье. Кроме того, у меня, разумеется, имелся и свой собственный план. Странно: неужели Один мог поверить, что у меня никакого плана нет вовсе?

Итак, я занял соответствующую позицию и стал ждать нашего Силача и Красавца. Долго ждать не пришлось. Старый приятель явился предо мной в клубах дыма, сопровождаемый раскатами грома и завыванием гитар. Как ни

странно, выглядел он почти как прежде: рыжая борода, свинячьи глазки, крошечные мозги и прямо-таки написанная на физиономии жажда убийства.

Должен сказать, что не вижу особого смысла в таких играх, как «Asgard!». По моему, в настоящем, физическом мире и без того слишком много насилия, чтобы отправляться на его поиски куда-то еще. Кроме того, хотя виртуальный мир игры тоже представляется нам во многих отношениях реальным, обычные законы и правила там все же не действуют. Там, например, совершенно неправильно интерпретированы мои многочисленные таланты и возможности – Попрыгунья, скажем, была уверена, что я в своем электронном обличье способен без конца метать во врага рунические стрелы, прикрываясь руническим щитом, или одним прыжком преодолевать огромные пропасти, но есть, спать и заниматься сексом мне совершенно не нужно; в игре не предусматривалось для меня даже такой простой вещи, как возможность почесать себе нос.

Я огляделся в поисках того гоблина-лизоблюда, которого заметил в прошлый раз, оказавшись в игре, но его нигде видно не было. А может, он просто где-то затаился. Мировой Змей тоже не показывался, хотя я чувствовал, что он поблизости и непременно объявится в самый неподходящий момент.

Одним мощным прыжком я вскочил на парапет, полагая, что оттуда смогу наилучшим образом использовать свои возможности в случае нападения Тора, но убивать его я все же не собирался. Не думаю, впрочем, что у меня вообще существовал в этом отношении какой-то выбор – судя по всему, правила игры позволяли этому воплощению Тора сколько угодно раз умирать и воскресать без каких бы то ни было болезненных последствий.

А вот в том, что сам я сумею выжить, я был уверен гораздо меньше. Насколько я сумел разобраться, мой пиксельный двойник, как и двойник Тора, мог без конца умирать и возрождаться, но настоящий Локи – точнее, сама его суть, не так давно обретшая убежище в теле Попрыгуньи, – этому правилу вовсе не подчинялся. Так что я запросто мог угодить куда-нибудь в царство Снегов и Льдов, если бы что-то пошло вразрез с моим планом. А потому я, стоя на крепостной стене, с изрядной долей беспокойства ожидал встречи с этим псевдо-Тором и все пытался придумать, как же мне все-таки вступить в контакт с разумом Громовника.

А потом времени на размышления не осталось – заметив меня, псевдо-Тор тяжелой поступью двинулся в атаку, держа в руках грозно поднятый молот. От

его шагов, казалось, содрогался весь мир.

«Беги, о мерзкое порождение Хаоса, пока я...»

– Эй, погоди-ка минутку! – воскликнул я. – По-моему, это мы давно уже проехали? И все наши прежние размолвки остались в прошлом? И потом, кто бы там ни писал для этой игры наш диалог, он понятия не имел, как свойственно выражать свои мысли настоящему Тору. Ведь речь настоящего Тора вряд ли можно было бы назвать достаточно внятной, даже если в кои-то веки его рот и не набит битком какой-нибудь жратвой. Так что забудь пока об этом поистине достоверном образе, и давай поговорим как следует, а не словами, выдуманнными каким-то человеком в брюках.

Издав нечленораздельный гневный рев, псевдо-Тор ринулся ко мне, совершив поистине гигантский прыжок, и сразу очутился совсем рядом со мной, практически на расстоянии поцелуя.

Впрочем, я успел вовремя заслониться руническим щитом, а затем, приседая и уклоняясь от ударов, спокойно обратился к Громовнику:

– Я – Локи. Ты меня еще помнишь? Мы же с тобой только вчера встречались, хотя и мимолетно. Здесь же, в игре.

Тор испустил какой-то придушенный вой – казалось, бык пытается проглотить обыкновенную кошку.

Я качнулся в сторону, уходя от очередного удара, и снова попытался воззвать к его разуму:

– Ну дай же мне, наконец, передохнуть! Ведь я здесь, чтобы тебе помочь. Меня Один сюда послал.

«Он, наверное, ничего не помнит, – еле слышно прозвучал у меня в ушах далекий голос Попрыгуньи. – Он с тех пор по крайней мере в тысяче игр поучаствовал».

– В «Asgard!» играет так много людей? Ничего себе! – искренне удивился я.

«Ну вообще-то «Asgard!» – очень популярная игра».

И в эту секунду молот Тора обрушился буквально в шести дюймах от моей головы, так что я был просто вынужден выстрелить в него тяжелой арбалетной стрелой, сотканной из рун, иначе этот удар размазал бы меня по парапету.

Тысяча игр! Тысяча смертей! Ничего удивительного, что Тор был совершенно сбит с толку. То есть его, конечно, никогда нельзя было назвать интеллектуальным гигантом, а малейшая растерянность обычно лишь добавляла ему агрессивности. Я прыгнул куда-то вверх – возможно, на какой-то выступ, а может, на какой-то более высокий уровень (если, конечно, мы все еще находились в игре), – полагая, что обрету более выигрышную позицию. И потом, какое-никакое умение моей хозяйки играть в эту игру подсказало мне, что там имеется оружие, которым я мог бы воспользоваться.

Тор зарычал и последовал за мной. Для такого громилы лазал он очень неплохо.

– Я здесь затем, чтобы помочь тебе, – повторил я, когда Тор начал в гневе один за другим швырять вниз, на раскинувшуюся под горой долину, камни из парапета. Потом я не выдержал и, чувствуя, что вот-вот и сам полечу следом за этими камнями, отчаянно завопил: – Клянусь! Меня сам Генерал сюда послал!

Псевдо-Тор снова зарычал, парашют под ним начал рушиться, а с небес вновь грянула боевая музыка, показавшаяся мне совершенно неуместной.

«Давай, – раздался в дальнем уголке моего сознания голос Попрыгуньи, – давай же! Тебя ведь все таким умником считали!»

– Мне казалось, что это ты в случае чего должна помешать ему меня убить! – сердито заметил я.

«Нет, – возразила Попрыгунья, – с Тором ты сам должен разобраться. Ну а меня вполне устраивают оба варианта».

Ничего себе! Это и впрямь был удар ниже пояса. Ее слова болью отозвались в моем сердце. Как она могла – после всего, что я для нее сделал! Я наспех порылся в ее мыслях, связанных с игрой, надеясь найти хоть какие-то знания,

способные помочь мне в битве с Тором, и отыскал некое заклятие, которое меня буквально окрылило. Правда, я к таким крыльям совсем не привык – уж больно они были велики и неуклюжи; они скорее походили на крылья дракона, а не птицы, но все же сумели унести меня от беды. На этих крыльях я вознесся прямо на мост Биврёст, который был настолько похож на настоящий, что у меня просто сердце защемило; с другой стороны, я прекрасно понимал, что он не настоящий, и от этого сердце у меня щемило еще сильнее.

Вдруг вокруг меня вспыхнули яркие лучи радужного света, пиками пронзая небеса, и я почувствовал, что моя «пикселированная» душа готова к сражению. Опасность, конечно, была велика, и все равно оказалось очень приятно вновь оказаться на поле брани! Вы, возможно, считаете меня существом скорее интеллектуального склада, не слишком склонным к простым физическим действиям, так что, с вашей точки зрения, приходиться в восторг от предстоящей смертельной схватки мне вовсе не следовало бы. Однако я испытывал именно восторг, предвкушая ее. Я всегда наслаждался участием в сражениях. Именно поэтому колдунье Гульвейг-Хейд и удалось переманить меня на свою сторону, когда она задумывала Рагнарёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Twinkle (англ.) – сверкать, мерцать, мигать. Поскольку эту кличку по ходу действия получил Тор, обожавший свои блестящие золотые доспехи, Локи сразу пришло на память стихотворение «Звезда» (Twinkle, twinkle little star...), самое известное из стихотворного сборника сестер Тейлор, Джейн (1783–1824) и Энн

(1782–1866), «Оригинальные стихотворения для юных умов» (1804), очень популярного в XIX веке; это стихотворение замечательно пародируется в книге Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (глава «Безумное чаепитие»), что в русских переводах этой книги неоднократно и по-разному обыгрывалось. Например, в почти классическом переводе Н. Демуровой это выглядит так: «Ты мигаешь, филин мой! // Я не знаю, что с тобой!» (в оригинале: «Ты мигай, звезда ночная! // Где ты, кто ты – я не знаю».

2

Один также выступает под именами: Старик, Генерал, Одноглазый, Высокий, Страшный и т. д.

3

Фрейя – в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и красоты.

4

Гулльвейг – букв. «сила золота»; Хейд – характерное для всех ведьм имя, означает «ведьма, знающая хейдр (колдовство ванов)».

5

Битвой Тора с волком-демоном Фенриром.

6

Хеймдалль, Страж Богов, стерегущий Радужный мост, жертвуя собой и желая прикончить предателя, бросился вниз и увлек за собой Локи.

7

Впрочем, все это изложено – с точки зрения Локи, разумеется, – в книге «Евангелие от Локи».

8

Здесь и далее все стихи даны в переводе И. Тогоевой; «Пророчество Оракула» цитируется в ее переводе по книге Дж. Харрис «Евангелие от Локи» (Эксмо, 2016).

9

Один в генезисе, скорее всего – не бог, а связанный с миром мертвых, то есть хтонический, демон или бог-колдун (шаман), покровитель воинских инициаций и союзов. Он хозяин воинского рая – Валхаллы, где обитают мертвые воины, героически павшие в бою.

10

Имеется в виду гибель Бальдра, бога мира и плодородия, от руки его слепого брата Хёда, которому Локи подсунул дротик из ядовитой омелы.

11

Великан Мимир был послан Одним шпионить в лагерь ванов, и те в итоге отрезали ему голову и послали ее асам. Один с помощью магии набальзамировал эту голову и поместил в источник под корнями Мирового Дерева Иггдрасиля, дабы иметь возможность с ней советоваться.

12

Дочь Локи и великанши Ангрбоды, описанная в «Младшей Эдде» весьма красочно: это согбенная, свирепого вида старуха, наполовину синяя, а наполовину цвета сырого мяса.

13

Услуга заключалась в том, что Локи подстроил убийство Бальдра, в которого Хель была влюблена, чтобы отправить его в Царство мертвых.

14

Тор, бог грома, бури и плодородия, защищает богов и людей от великанов и страшных чудовищ с помощью своего главного оружия – молота Мьёлльнира («молнии»), который враги постоянно пытаются у него похитить.

15

Намек на огненную природу Локи; его именами являются также Пожар и Греческий огонь. Существует ошибочная теория, что Локи – это демон огня, что связано со сходством его имени со словом «logi» (огонь) и с именем духа очага Локки.

16

Во время Рагнарёка Тор был почти проглочен Йормунгандом, но ему все же удалось разmozжить змею башку своим молотом Мьёлльниром и выбраться на сушу, однако же он был отравлен ядом Йормунганда и, сделав всего несколько шагов, рухнул замертво.

17

Йормунганд, или «змей Мидгарда», первоначально, по-видимому, был позитивным элементом пространственной системы мира в скандинавской мифологии, ибо, окружая обитаемую землю, поддерживал ее в Мировом океане, прикусив собственный хвост.

18

Восьминогoго коня Слейпнира Локи родил сам, соблазнив в обличье кобылы волшебного жеребца, принадлежавшего великану Свадильфари, который строил Асгард, но, лишившись коня, завершить это вовремя не успел.

19

Имена воронов Одина означают «думающий» и «помнящий». Эти вороны имеют тот же хтонический характер, что и сам Один.

20

Жена бога поэзии Браги.

21

Двусмысленным (фр.).

22

Именно так, буквально, перевел для себя Локи слово Facebook.

23

Strawberry (англ.) – земляника, клубника.

24

Е. Мелетинский считает, что мифологический трикстер Локи – это двойник Одина, отрицательный культурный герой с отчетливой хтонически-шаманской окраской. Создавая миры, они очень многое делают вместе, в том числе и оживляют первых людей.

25

Намек на то, что именно Локи вложил в руки слепого бога Хёда заостренный побег ядовитой омелы и уговорил его выстрелить в Бальдра, его родного брата, который тут же умер, после чего боги и подвергли Локи описанному выше наказанию.

26

«Отверженные», роман Виктора Гюго.

27

Согласно этой теории, мир был создан из тела антропоморфного существа Имира (слово «ymir» означает «двойной»), который возник из растаявшего инея вместе с коровой Аудумлой, выкормившей Имира своим молоком; затем под мышками у Имира родились мальчик и девочка, а его ноги «породили» сына, и эти первые люди оказались великанами «из мороза и инея».

28

Один имеет в виду понятие «кот Шрёдингера» – мысленный эксперимент, предложенный австрийским физиком-теоретиком и одним из создателей квантовой механики Эрвином Шрёдингером, 1887–1961, Нобелевская премия 1933.

29

Когда асы послали великана Мимира шпионить в лагерь ванов, более древнего племени, владеющего рунами, ваны в итоге отрубили Мимиру голову и послали ее назад, асам, а Один, сохранив эту голову с помощью колдовства, спрятал ее в источнике Мудрости у корней ясеня Иггдрасиля и постоянно пользовался ее советами. Мимир прячет в этом источнике глаз Одина, который похитил у него, дав ему напиток.

30

Одину вообще свойственно часто менять обличье, о чем свидетельствуют и его разнообразные прозвища: Хаар («высокий»), Игг («страшный»), Гримнир («скрывающийся под маской»), Харбард («седая борода»), но при нем всегда его хтонические слуги – вороны, волки и восьминогий конь Слейпнир, способный странствовать меж мирами. Один одноглаз (а, согласно некоторым мифам, иногда и слеп), ходит в синем плаще и надвинутой на лоб широкополой шляпе; живет он вместе со своей дружиной в чертогах мертвых, Вальхалле.

Купить: <https://telnovel.com/dzhoann-harris/zavet-loki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)